

Светлана Андреева

Я запрещаю
этому быть на Земле

Светлана Андреева

Я запрещаю этому быть на Земле

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Андреева С. Е.

Я запрещаю этому быть на Земле / С. Е. Андреева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Каким будет наше будущее? Все эти мрачные варианты с выжившими после апокалипсиса, зомби и прочими ужасами меня не устраивают. Наше будущее рождается сегодня, так придумаем его счастливым. Это сложно. Но я знаю, каким оно не должно быть. Многие из того, с чем смирились, привыкли, не имеет права продолжать существовать в будущем. И если нашим потомкам придётся столкнуться с этими явлениями, чудом выжившими на дальнем краю галактики, они не дадут этому вернуться в наш мир. Они наши потомки. Потомки людей, которые откажутся пускать это в будущее сегодня.

Содержание

Часть первая. В нашем мире этого просто нет	5
Говорящая с планетами	5
Звонок от удачи	7
Возможность, которую нельзя упускать	8
Как понять то, чего больше не существует	11
Фон не нашего мира	14
Можно уже никуда не лететь	17
Показать, что готовы дать сдачи	19
Часть вторая. Миссия со связанными руками	21
1 день на станции	21
Добро пожаловать и не задерживайтесь	21
Доступ к памяти вымершей цивилизации	23
Неподготовленность к уровню страха	25
Отравленная еда – кто в это поверит?	31
Удобрения как способ удержания власти	33
Они не могут стать морковкой	34
Солдат инфовойны	37
2 день на станции	39
Особенности вкусов хозяйки	39
Кому нужнее сенсация	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть первая. В нашем мире этого просто нет

Говорящая с планетами

– Я не знаю как это – «быть захваченной».

Голубые глаза девочки смотрели на него непривычно серьёзно. Ну и как объяснить семилетнему ребёнку как должен чувствовать себя захваченный? Тем более, как может чувствовать себя захваченная планета?

– Давай попробуем с другой стороны, – вздохнул Посол, осторожно подбирая слова. – Они часть планеты? Планета считает их частью себя?

Девочка кивнула, всё так же не по-детски серьёзно глядя ему в лицо.

– Они те, кто должен развивать планету, – подтвердила она. – Но они все как младенцы, которые никак не могут вырасти.

– Держатели планеты как младенцы? – переспросил Посол.

Девочка кивнула:

– Они верят, что они уже выросли. А сами ещё слепые и глухие. И слабые. И они не слышат планету, – рассудительно объяснил ребёнок. – Ей больно. А они не помогают.

– Они злятся на кого-то? Кто-то обижает их? Заставляет делать то, что они не хотят?

Девочка прислушалась к своим ощущениям и отрицательно покачала белобрысой головой:

– Они на себя злятся, – задумчиво ответила она. – Они хотят быть другими. Им не нравится быть собой.

– А какими они хотят быть?

Она задумалась, стараясь точно подобрать слова:

– Неправильными. Поломанными.

– Поломанными, – повторил Посол.

Девочка кивнула.

– Они чувствуют, что рядом с ними есть кто-то чужой? Плохой? – задал следующий вопрос Посол.

Девочка замера, прислушиваясь, и вновь отрицательно покачала головой и ответила:

– Они не знают, – она сказала это тихо, делая секретом, – но там кто-то есть. Плохие.

– Они про плохих не знают?

Она вновь отрицательно помотала головкой, тряхнув смешными косичками.

– Плохие их обижают?

– Они делают планете очень больно. Они не дают ей восстановиться, – серьёзно сказал ребёнок. – И им всё равно. А держатели планеты не защищают её. Они как маленькие дети.

Посол вздохнул. Удивительно, что она почувствовала то, что не увидели старшие.

– Благодарю, Леда. Иди, отдыхай.

Девочка серьёзно кивнула, и молча пошла прочь. Посол посмотрел вслед удаляющемуся ребёнку.

– Ну и экспертов вы выбираете, – подошёл к Послу помощник. – Ей же всего семь лет. Леду ещё даже не ввели в состав группы обучения.

– Да, – кивнул Посол. – Поэтому, она и может увидеть ситуацию с непредсказуемой стороны. Плохие, потому что им всё равно.

– Никто из говорящих с планетами не подтвердил заявление Александры?

– Не так-то просто подтвердить наличие того, о чём ничего не знаешь, – задумчиво ответил Посол. – В этом и проблема. Мы столкнулись с явлением, о котором ничего не знаем.

– Виктор, я всё-таки считаю, что надо сосредоточить усилия на смягчении последствий этого неосторожного заявления Александры. А не пытаться доказать, что она права. Тем более, что мы даже не знаем что это такое.

– А если она права?

– Доказательств нет. И за две недели их собрать невозможно, – покачал головой собеседник. – Совет не будет рассматривать это дело, если нет нарушения Закона Свободной Воли. А его нет. Весь фон агрессии направлен исключительно на самих жителей планеты. Они условно разумная цивилизация с высоким уровнем внутренней агрессии.

– Как это знакомо, правда? – усмехнулся Посол. – Сколько раз нас самих в этом обвиняли? Мы слишком агрессивно реагируем на попытки уничтожить нас. Мы не можем распознать настоящего врага, действующего чужими руками. Наша агрессия направлена на наших же собратьев, которые оказались просто марионетками в чужой игре.

– Это всё уже в прошлом. Вы же не собираешься отвечать на обвинения ощущениями ребёнка, что им не дают вырасти?

– Ситуация настолько спорная, что приходится пользоваться всеми возможными источниками информации. Этот маленький эксперт только что подтвердил для меня лично, что Александра не ошибается в своём громком заявлении.

– Но группа говорящих с планетами не подтвердила присутствие на планете чужих, – напомнил помощник.

– Это потому, что группа искала следы жестокости, боли, агрессии, унижения. А их нет. Фона подавления других нет, – вздохнул Посол. – А для Леды равнодушие – уже признак «плохих». И она их почувствовала.

– «Равнодушно как машины, добивающиеся своих целей», – процитировал помощник описание из справочника.

– Вот именно. Это их подчёрк. И это территория их интересов. Следовало ожидать, что цеплагры эту планету из лап не выпустят.

Собеседник вздохнул, поняв, что переубедить Посла ему так и не удалось.

– До заседания Совета Союза Миров всего две недели. Комиссию организовать мы не успеем. Изгнания нас из миссии они будут добиваться любыми средствами.

– Равнодушно как машины, – кивнул Посол. – А у нашей миссии руки связаны. Они не имеют права на активные действия. И что ещё хуже, у них глаза завязаны. Они видят только то, что готовы увидеть. Нужно послать к ним человека с открытыми глазами. Способного увидеть больше.

– Комиссия не примет показания сотрудника посольства, вы же знаете.

– А она не имеет никакого отношения к посольству, – улыбнулся Посол.

Звонок от удачи

– Здравствуйте, Дара, – координатор центра поддержки первый раз позвонил мне лично, чем, признаюсь, меня уже сильно удивил. – Хорошо, что я вас застал. У меня к вам огромная просьба, выручайте!

Я замерла в предвкушении. Моя группа с центром координации исследовательских миссий на планетах пограничья напрямую никогда не работала. И напроситься в миссию всегда было сложно. А тут, они сами обратились за помощью? Чудеса!

– Нужна помощь в одной из дальних миссий, – продолжал вырисовывать сказочные перспективы в моей голове торопливый речитатив Константина.

– В миссии? Помощь журналиста? – уточнила я, всеми силами стараясь вернуть ситуации реальные очертания. – Вам нужен журналист в исследовательской миссии? Зачем?

– Мне посоветовали обратиться именно к вам, – проигнорировал мой вопрос он. – Как быстро вы сможете прислать мне вашего журналиста? Я понимаю, что у вас тоже всё расписано, но это очень серьёзная ситуация.

И, не дав мне ответить, добавил:

– А сможете завтра к 12-ти? Я как раз встречаюсь с Послом. Получу дополнительную информацию от Виктора Шеломина, и передам вашему человеку.

– Шеломиным? Константин, у вас личная встреча с Виктором Шеломиным? – переспросила я, когда очередь его речитатива внезапно оборвалась.

– Да, – неожиданно коротко подтвердил он.

– Завтра в двенадцать?

– Да.

– Пожалуй, я приеду сама.

– Договорились. Жду вас, – он мгновенно отключился.

Мой победный крик заставил вздрогнуть сидящего рядом Олега.

– Ты чего?

– Невероятная удача! – ответила я. – Завтра я смогу перехватить неуловимого Виктора Шеломина!

– Шеломина? – уточнил Олег. – Нашего Посла в Совете Союза Миров?

– Его самого! – похвасталась я. – Не знаю, о какой миссии идёт речь, но я уже лечу. Олежа...

– Да понял я уже, – рассмеялся он. – Нам с Жарменом опять придётся читать лекции за тебя, но зато ты потом вернёшься с чем-то ошеломительным.

Координатор тем временем отключил связь со мной и тут же набрал новый вызов: «Передайте, всё как он и сказал. Светлова прилетит сама» – и он вновь отключился.

Но признается он мне об этом только через пару лет.

Возможность, которую нельзя упускать

Есть люди, встреча с которыми переворачивает ваше представление о мире. Стоит один раз взглянуть на ситуацию их глазами, и вся ваша прежняя вселенная становится плоской и тусклой, по сравнению с этой новой картиной. И за возможность ещё раз увидеть ситуацию их глазами, я готова лететь хоть на другой край галактики. Поэтому, встречу с Виктором Шеломиным я упустить просто не могу!

И где бы не находилась эта миссия, чем бы они не занимались, если этим заинтересовался сам Шеломин, значит, речь идет о судьбе человечества, никак не меньше. Мне нужно там быть!

Да, я отдаю себе отчет, что опять кидаюсь с головой в авантюру без всякой подготовки. И что меня уже не раз пытались убить за это. Но... как можно отказаться? Я ещё не знаю, что мне поручат, а уже согласна. Надо успокоиться и взять себя в руки. И хоть раз предстать перед Послом здравомыслящим специалистом.

В просторном кабинете с обзорными окнами во всю стену мы были одни. Вводил меня в курс дела Константин. Посол лишь изредка вставлял уточняющие слова. И, на первый взгляд, задание казалось пустяковым. Перевести с сухого научного на общедоступный язык выводы наших исследователей, преподнести их так, что бы и слепой увидел доказательства существования рабства на планете. И сделать это максимально оперативно. Но не может всё быть так просто, если напротив сидит сам Шеломин.

– Значит, нужно собрать доказательства, что Заноза... – я вовремя спохватилась и попра-
вилась, – то есть, Александра Зариноза права и защитит миссию от закрытия?

– Или нам придётся извиниться за некомпетентность наших исследователей и с позором уйти.

– И всё из-за её заявления, что на планете существует рабство? – я обращалась к Послу, но отвечал мне сидящий рядом с ним Константин.

– Это серьезное обвинение. Оно ставит под сомнение всю предыдущую работу совместных миссий цивилизаций, большая часть из которых, заинтересованных в захвате и заселении этой планеты, – Константин вывел на экран какие-то списки. – Цеплагры, щашуры... – они, по сути, родственные цивилизации. И предыдущая цивилизация на этой планете была уничтожена не без их помощи.

– И планета Гарапца прямёхонько в зоне контроля цеплагров, – продемонстрировала я умение читать карты звездных секторов.

– Точно, – кивнул Константин.

Посол даже не смотрел на меня, но его внимание было чувствительнее любого взгляда в упор.

– И у них всё идет как по маслу, пока мы не входим в состав исследовательской миссии?

– Поэтому, на нас и сыпятся обвинения в нарушениях. И нас даже отстраняли уже от миссии после предыдущего нашего громкого заявления о разумности местной цивилизации.

– И разумную цивилизацию на планете обнаружила именно наша миссия?

– Обнаружили их раньше. Наши доказали их разумность, – опять ответил за Шеломина Константин. – Как раз сразу после этого нас вышибли из миссии в первый раз, но комиссия доказала, что наши исследователи правы насчет разумности вида, и мы вернулись в миссию. После этого, обвинения и попытки убрать нас из числа наблюдателей не прекращались. А неосторожное заявление Александры Заринозы буквально спровоцировало лавину новых обвинений.

– Странно, – я всё ещё следила за реакцией Посла. – Не похоже на неё. Саша всегда всё делала слишком правильно. Слишком осторожно, всё перепроверяла. Ко всему цеплялась. Как заноза. Все так её и звали. И вдруг такое обвинение.

– Вы с ней знакомы? – наконец, я добилась внимательно изучающего моё лицо взгляда Посла.

– Мы с Александрой Заринозой учились в одном университете, – кивнула я.

– Значит, вам легче будет понять её, – Константин, кажется, вздохнул с облегчением.

– Виктор Алексеевич, – я с удовольствием заметила, как он улыбнулся, не поднимая на меня глаз, уже ожидая от меня вопросы. – Это очень важная миссия для человечества. Иначе вы бы этим не заинтересовались. Но я не понимаю почему. Это же другой край галактики, у нас нет никакого пересечения интересов, нет общих границ влияния с этой цивилизацией. Они даже не гуманоидная форма жизни. Мы ничего полезного у них перенять для себя не сможем. Ни интересные технологии, ни культурные ценности – это всё слишком чуждо нам. Зачем мы там?

– Именно по этим причинам нас и пригласили туда как независимых наблюдателей, – улыбнулся Шеломин.

– А нам самим это зачем?

– Изучая других, мы лучше узнаём себя.

– Мы слишком разные, что бы это принцип сработал, – я не собиралась довольствоваться его размытыми дипломатическими формулировками.

Посол на секунду задумался, формулируя ответ на понятном мне уровне восприятия.

– Мы вернулись в Совет Миров совсем недавно. И эта миссия над Гарапцей – первая, когда Совет к нам обратились как к равным членам Совета, поручив нам это задание. И мы уже показали результаты, заставившие к нам прислушиваться. Это своеобразный экзамен на способность человечества решать задачи уровня галактики, решать задачи выше уровня интересов самого человечества. Мы просто не можем позволить изгнать нас из миссии после таких результатов из-за неосторожного заявления исследователя.

– Нет! – я откинулась на спинку кресла и демонстративно скрестила руки на груди, с вызовом глядя в глаза одного из самых влиятельных людей нашей цивилизации. – Так не пойдет! Вы просто обязаны сообщить мне настоящую цель моей миссии.

– Никто не говорил, что вам надо самой... – Константин заметил, что его вмешательство в нашу дуэль взглядами бессмысленно.

И Шеломин улыбнулся. И сдался.

– По законам нашей вселенной, если разумный вид на планете восстановился после катастрофы, то планета неизбежно должна была очень быстро восстановить и прежний свой уровень развития, – посол всё так же продолжал спокойно улыбаться, внешне ничего не изменилось, но я сразу почувствовала, что добилась нужного мне ответа. – А этого не происходит. Нет никаких внешних признаков захвата планеты. Нет нарушения закона свободной воли местной цивилизации. Нет никаких признаков оккупации и агрессии. И, тем не менее, планета по всем признакам тяжело больна, заражена паразитами, не дающими ей восстановиться. До открытия разумной цивилизации на планете – такое положение было вполне объяснимо и не вызывало подозрений. Но население планеты разумно.

– Так почему Совет не изучит это феномен?

– Нет никаких нарушений законов вселенной, а значит, нет поводов для вмешательства и помощи со стороны Совета Миров, – привычно ответил за Посла Константин.

– И вы обратились с этим заданием ко мне, – не отрывая от Посла взгляда, стала подводить итог я, – потому что это тоже скрытая война против человечества?

Посол взглядом остановил собравшегося ответить мне Константина.

– Цеплагры – это мощная и влиятельная паразитическая цивилизация, – произнёс он, всё так же продолжая спокойно улыбаться, и из-за этого, слова его звучали беспощадно правдиво. – Сферы наших интересов пересекутся в ближайшие полтора столетия. Нам необходимо знать, как защитит себя от возможного проявления интереса к нам.

Как понять то, чего больше не существует

Если бы я знала что мне придётся изучать – ни за что бы не согласилась! Ни одно задание не стоит таких издевательств над собой!

Я с наслаждением подставила лицо освежающим струям воды. За эти не полных три дня подготовки к очередной командировке, душ стал для меня настоящим спасением. Душ смывал с меня напряжение очередного дня изучения неприятной и непонятной для меня информации, которую и душа и сознание отвергали и всячески сопротивлялись углублению в эту тему.

Даже ежедневные чистки сознания с инфоэкологом не гарантировали, что я вынесу погружение в эти тёмные времена человечества без травм для моей психики. Но в тот момент в кабинете управления исследовательских миссий, замороженная перспективой участия в исследовании, которое заинтересовало Шеломина, я даже смысла этого сообщения от Александры не поняла. Я просто увидела, в какой шок оно повергло остальных, какое смятение внесло в их работу. И насколько серьёзно об этом говорит сам Виктор Шеломин. А уж этим людям точно не привыкать сталкиваться с очень серьёзными ситуациями. Их реакция говорила, что это что-то очень серьёзное. И этого было достаточно, что бы я тут же предложила им себя как специалиста в выяснении и уточнении информации. Несколько преувеличив и мою осведомленность в этой теме и личное знакомство с главной виновницей шумихи.

Да, признаю, как журналист, я просто не умею тактично не вмешиваться в то, в чём не разбираюсь. За что теперь и расплачиваюсь. Я уже десять раз пожалела, что напрасилась участвовать в этом задании. К моей службе это задание не имеет ни какого отношения. Я отменила курс лекций, который должна была читать студентам, отказалась от участия в двух очень перспективных проектах. На такую глупость только я способна. И всему виной короткая встреча с Виктором Шеломиним и интерес, проявленный им к этому сообщению. За очередное моё спонтанное, необдуманное решение я расплачивалась теперь переутомлением и головной болью.

Я вышла из душа и прослушала очередные восемнадцать сообщений с претензиями от моих друзей за игнорирование встреч и вечеринок, и даже нареkanie от брата, за отказ встретиться и познакомиться с очередной претенденткой на его сердце. Да, они имели право на меня обижаться, никогда ещё я не уходила вот так с головой в подготовку к миссии. И никогда ещё она не давалась мне так тяжело. Но ситуация была из ряда вон выходящая.

И мне два тяжёлых, тошнотворных, изнурительных дня изучения этой темы понадобились, прежде чем я осознала, наконец, всю полноту значения этого слова. Что бы просто понять всю неправильность, невозможность и отвратительность существования этого явления. Что бы понять смысл короткого сообщения от Александры, ошарашившего и лишившего на несколько минут дара речи даже человека сорок восемь лет руководившего миссиями по изучению инопланетных цивилизаций и сталкивавшегося с самыми неординарными ситуациями. Сообщение от Александры, смысл которого я тогда просто не поняла: "Мы ошиблись, это рабство".

Два дня у меня ушло на то что бы понять, что же такое рабство. Потому что это настолько отличается от всего, что я знаю, что просто не находилось аналога, что бы объяснить хоть приблизительный смысл этих отношений. И главное, их цель. Более непродуктивного взаимоотношения индивидов, по-моему, просто выдумать было невозможно. Ведь на первый взгляд, это бесцельное и разрушительное взаимодействие не выгодное никому.

Это совместная работа обогащает обоих. Люди объединяют свой опыт, свои знания, свои способности. Перенимают или имеют возможность пользоваться тем, чем обладает личность партнёра, но не обладаешь пока ты. Так достигаются цели, не доступные им в одиночку, и

люди взаимно обогащают личность друг друга. Именно поэтому все программы людей носят совместный характер. Любая миссия собирается из специалистов, дополняющих друг друга.

Если же за тебя кто-то что-то делает, это уже не совместное творчество. Нет никакого обмена знаниями и опытом, никакого синергетического эффекта, обогащающего обоих. Тот, кто делает – творец, а ты просто потребитель. Но и он развивает только то, что в нём уже заложено. Каждый просто занимается любимым делом и обеспечивает других необходимым для того, что бы ты мог заниматься своим любимым делом. А как же расширение возможностей? Оно происходит только за счет совместной работы.

А рабство – это и вовсе бессмысленный путь. Это когда потребитель заставляет творца делать что-то для себя. И это может быть совсем не тем, что хочет делать сам раб. Но зачем тогда ему это делать? К тому же, это нарушение вселенского закона свободной воли. А его бы сразу засекли по фону насилия.

Понять смысл рабства для меня оказалось невозможно. Поэтому, в довершении ко всей этой нагрузке, мне пришлось взять ряд консультаций по паразитарному мышлению. Только после этого, я стала видеть хоть какой-то, пусть и нелепо искажённый смысл, существования таких взаимоотношений как рабство.

Последние вопросы перед вылетом я смогу задать через шесть минут, когда в графике консультанта между лекций есть окно для разговора со мной. И сейчас я ждала этого звонка. Мне уже лететь пора, а в голове по-прежнему каша из отвратительных фактов, об этой нелепой системе взаимоотношений.

– Дара, как ваши успехи? – раздался бодрый голос консультанта.

Он просто поражал меня своим оптимизмом. При том грузе отвратительной информации, с которой он работал, это было просто немыслимо.

– Всё печально, – призналась я. – Я так и понимаю необходимость этой извращенной формы взаимоотношений. Это ужасно нелогично.

– Да, – согласился он. – Для нашего понимания мироустройства – это действительно не логично. Но рабство – это паразитическая форма отношений.

– Да, это я уяснила, – кивнула я. – Но всё равно, рабовладелец же в итоге не получает никакой пользы от таких отношений, кроме простого обеспечения себя необходимым и складирования изъятых ценностей, которыми всё равно не пользуются. А рабы не получают компенсации за свой труд. И им просто незачем поддерживать такие отношения.

– Верно, – подтвердил консультант. – Давайте попробуем взглянуть на ситуацию с другой стороны. Допустим, рабовладелец – ущербное существо, инвалид, не способный выжить и обеспечить своё существование самостоятельно. Он остро нуждается в помощи других. Ему необходимо использовать чужие возможности как протезы способностей, отсутствующих у него самого.

– И он просит их о помощи, – продолжила я.

– Нет. Он не может надеяться на разовые согласия помочь ему. В рамках паразитарной философии, он должен обеспечить себе постоянный доступ к чужим ресурсам, за счет которых и будет существовать. Раб должен стать его протезом. В ход идут технологии убеждения, прямого физического и психологического насилия и подавления воли индивида. Раб должен признать, что он не помогает несчастному, а является теперь его собственностью, частью самого рабовладельца. Что он живет ради того, что бы обеспечивать существование своему паразиту. Что этот ущербный инвалид – существо выше его по развитию и поэтому, он должен служить ему.

– Но если там применяется насилие и нарушается вселенский закон свободной воли, планета бы фонила насилием на весь сектор, – напомнила я.

– Да, несомненно, – согласился он с моим выводом. – Рабство без подавления одного индивида другим, без применения какой-либо формы насилия над личностью, невозможно.

Поэтому я и приводил вам примеры, как добивались добровольного согласия быть жертвой. Если жертва не считает это насилием, то и фона никакого не создаёт.

– А рой может считаться примером рабских отношений? – я припомнила материалы отчета Александры. – Там ведь тоже матка, которая нуждается в обслуживании другими, для того, что бы выжить?

– Рой – это другое, – покачала головой его видеопроекция. – Рой – это организм более сложного порядка, но не в единой оболочке, а собранный из отдельных индивидов. Разные группы выполняют функции разных органов, специализируются на них. Это не насилие. Это как раз совместная работа, синергия. Представьте, что глаза передали мозгу информацию об опасности. И мозг передал ногам приказ бежать прочь. Так спасся весь организм. Было ли насилие мозга по отношению к ногам? Нет. Каждый исполнял свою функцию во благо всех.

– Рой – это добровольное сотрудничество. Без насилия над индивидами и создания фона насилия.

– Верно. Дара, рой – это единый организм. Изымите из него любой орган, пусть даже тот, который выглядит эксплуатирующим других, и рой не сможет продолжать жить и самовоспроизводиться. Изымите матку и рой погибнет. А если изъять рабовладельца, рабы прекрасно выживут и без него. Это основное различие.

– Я поняла. Благодарю за уделённое мне время.

– Всегда готов вам помочь, – добродушно отозвался мой консультант. – Мне очень интересна ваша работа. Я с удовольствием слежу за вашими отчетами.

– Благодарю за столь лестную оценку!

– Расскажите потом, над чем же вы работаете? – попросил он. – Всё-таки это моя профессиональная тема.

– Да, – пообещала я. – Я же журналист. Меня бы не привлекли к этому заданию, если бы надеялись оставить это всё в тайне.

– Удачи вам, Дара.

Он отключился. Я откинулась на спинку кресла. Рой или рабство? Ну и задачу подсунула Александра! Была занозой и занозой осталась. Вот как это проверить? Изъять рабовладельца и посмотреть, не вымрет ли без него рой? Если бы это было рабство, планета бы фонила насилием. А никакого фона нет. Значит, и рабство там не возможно в принципе.

Но Виктор Шеломин считает, что Заноза может быть права. И миссию пытаются закрыть именно за это.

Пора собираться. Скоро вылет. И как мне разобраться с правомерностью выдвинутых против миссии обвинений в нарушении, если я не могу разобраться даже с самим явлением рабства?

Фон не нашего мира

– Вам не хорошо? Я могу чем-то помочь? – незнакомая девушка тревожно вглядывалась в моё лицо.

– Что? – я очнулась от задумчивости и машинально проверила, не пропустила ли свой рейс. – Нет, благодарю, всё хорошо.

– Вам точно не нужна помощь? Вы такая несчастная!

– Всё хорошо, это просто тяжёлое задание в дальнем космосе, – я постаралась успокаивающе улыбнуться я в ответ. – Сложности с логикой чужой цивилизации. Благодарю вас.

Девушка облегченно кивнула, искренне пожелала мне удачи и догнала свою подругу.

Надо как-то отвлечься. Я так пропиталась этой жуткой информацией, что от меня люди как от чумной шарахаются. Или за больную меня принимают. А ведь они правы. Я буквально больна от этой мерзости. Я больна совершенно чуждой нашему миру информацией. Я больна эмоциями и переживаниями, которые в нашем мире просто не могут существовать. И они это чувствуют.

Хорошо, что такси подоспело. Я уже чувствовала на себе встревоженные взгляды ещё двоих прохожих. Я фонила проблемами.

Обычно предвкушение вылета меня окрыляло. А сейчас я уже чувствую себя уставшей. Всё познаётся в сравнении. Который раз убеждаюсь, в каком прекрасном мире мы живём. Я смотрела на лица прохожих. Они все улыбаются, они смеются. Счастливые люди. Три дня назад я была такой же. Какое счастье, что мы даже не знаем, что такое явление как рабство возможно. Даже в страшном кошмаре такое выдумать не можем. В нашем мире такого просто не существует. И у меня двойственное чувство. Мне хочется убедиться, что Заноза ошиблась и этого не существует вообще. Потому что это просто не должно существовать. Но, что бы защитить нашу миссию, надо доказать, что Заноза права. Что вся эта не укладывающаяся в голове противостоительная система отношений существует на самом деле.

До звездопорта лететь минут сорок. И хоть голова моя и так распухла от изучения такого объёма информации, я, что бы не терять время, а скорее уже по привычке, открыла досье на сотрудников миссии.

О! А Заноза, оказывается, показывала великолепные результаты. Ну да, она же ещё в университете в куче исследований принимала участие. Так как же она попала работать в эту дыру? Неужели ей ничего получше не предложили, с её-то талантами? Тоже странно. Я поставила пометку, что надо выяснить это. Как я люблю читать такие строки в резюме: масса перспективных предложений по карьерному росту, а человек выбирает работу в неизвестной дыре на краю галактики. Это уже гарантия захватывающей истории о несчастной любви или ещё чего-то очень личного, мотивирующего на подвиги и самоотречение.

Я бегло просматривала страницы, делала себе заметки, но мысли мои были заняты другими вопросами. И всё же, а почему они все уверены, что Совет будет добиваться запрета работы наших исследователей? Только из-за того, что Заноза обнаружила на этой планете эту экзотическую форму взаимоотношений особей – рабство?

Как известно, жизнь на этой планете практически полностью была уничтожена в ходе галактической войны, когда планета подверглась массивной бомбардировке, в результате чего потеряла около 70% атмосферы. Могущественная цивилизация, входившая в Союз Миров, погибла. Или, что точнее, была уничтожена в той бомбардировке.

Разумная цивилизация на этой планете была обнаружена вновь сравнительно недавно. Как уже упоминалось, нашими исследователями разумность её была доказана. При том, такое

быстрое формирование новой разумной цивилизации на планете заставило нас изначально рассматривать только версию её переселения извне. Однако, глубокая связь умпалов с этой планетой лучшее доказательство неоспоримой причастности этого вида к экосистеме планеты.

Умпалы. Почему их умпалами назвали, если планета называется Гарапца? Лишняя путаница с названиями. Итак, по официальной версии, умпалы живут на планете повсеместно отдельными колониями, построенными по принципу роя, с четким разделением функций необходимых для выживания всего сообщества и глубокой специализацией на конкретных видах деятельности. При этом, специализация настолько глубокая, что полностью изменяет физиологию и даже делает определенные категории индивидов не способными выжить без участия остальных.

Десятки лет именно эта информация считалась самым верным описанием разумного вида, населяющего эту планету. И вот, нашёлся один упёртый ученый, ответивший на обвинение о нарушении протокола проведения исследований ещё более жёстким обвинением. И это, конечно была наша Заноза. В один миг всё рухнуло. Сколько переполоха устроило это странное сообщение о рабстве. Рабство в рое? Что же меня ждёт на этой планете?

Я закрыла глаза, уютно расслабившись в кресле и отстранившись от всего этого тягостного бреда с версией о рабстве, сосредоточилась на внешних факторах этой миссии. И так, это не просто заурядная исследовательская миссия. Дело в том, что это совместная исследовательская миссия. Но сейчас там работают только земляне. И нас в эту миссию пригласили именно как независимых сторонних наблюдателей. А в итоге, сейчас в миссии мы остались одни. Почему? Почему в совместной миссии работаем сейчас только мы одни? И нас оттуда стремятся выгнать.

Миссия находится в секторе, который с точки зрения расселения землян нам совершенно не интересен. Во-первых, слишком далеко от сектора нашего расселения. Во-вторых, это сектор интересов цеплагров. Цивилизации, с которой мы слишком несхожи и по физиологическим, и по мировоззренческим параметрам, что бы поддерживать хоть какие-то взаимовыгодные отношения. И цивилизация эта довольно агрессивно действует, отстаивая свои интересы. А солнечная система, в которой работает миссия, находится глубоко в тылу их сектора. Но разрешения на освоение и заселения её они от Совета не получили. И от работы в этой миссии они отстранены за ряд грубейших нарушений. Но Глыней и Ветуанцев никто не отстранял. Почему они ушли?

В итоге, около сорока лет назад, Совет предложил нам, то есть, землянам присоединиться к исследовательской программе, как независимому и не заинтересованному в конкретных результатах представителю Союза Миров.

Таким образом, выходит, что эта миссия буквально является чужеродным раздражающим вмешательством в сектор, который цеплагры жаждут считать своим. Миссия им мешает, и они всё готовы сделать, что бы закрыть её, убрать. Поэтому, жалобы на нарушения в миссии и так сыпятся как из рога изобилия. Но их удавалось сглаживать и объяснять предвзятостью цеплагров. По словам Посла, Совету просто нужен независимый наблюдатель за цеплаграми в этом секторе, и они решили подставить на это неблагодарное дело нас. И рассматривалось наше участие как временное. С кандидатом, готовым перенять с наших плеч, эту не нужную землянам ношу, уже почти договорились. И все бы вышло тихо да гладко, если бы Заноза не сделала это своё громкое и нелепое заявление.

Теперь нас просто разгрозят, если мы не сможем доказать, что у её заявления были веские причины. А цеплаграм только и надо избавиться от этой миссии. Кандидат, сразу пошел на попятную. Нас выставляют не способными справляться с заданиями масштаба Совета. И теперь нам любым способом надо предотвратить закрытие миссии.

Вот так одно громкое заявление ученого, жаждущего славы, может выкинуть землян из полноценных членов Союза Миров.

Ненавязчивый сигнал известил, что мы подлетаем к Космопорту. Как же я всегда любила этот вид! Столько мощи. Столько возможностей. Открытые дороги в самые дальние уголки галактики. Как это может не вдохновлять? Как это может не наполнять силой? Хватит киснуть! Я же хотела попасть в миссию уровня Шеломина? Так нечего ныть теперь!

Можно уже никуда не лететь

Звонок от координатора застал меня в момент выхода из такси.

– Дара, мне жаль. Мы зря вас побеспокоили, оторвали от дел.

– Что случилось, Константин? – его голос не оставлял сомнений, что произошло что-то непредвиденное.

– Только что пришло сообщение, – тяжело вздохнул он. – Цеплагры подали требование о закрытии миссии. За грубейшее нарушение. И, к сожалению, миссия подтвердила, у них случилось ЧП. В результате они не только допустили обнаружение своего присутствия перед местным населением. Они ещё и в прямой контакт вступили. И вызвали крайне агрессивную реакцию местных. Нашего сотрудника камнями забросали.

– Камнями? Местные?

– Да. Он жив, но в тяжелом состоянии. После такого миссию уже не отстоять.

– Посол знает?

– Известил, но подтверждения от него нет. Он в межмирье.

– А когда заседание комиссии по этому обвинению? – зачем-то спросила я.

– Через четыре дня, – вздохнул он. – В любом случае, уже ясно, что миссию нам придётся покинуть. Но благодарю вас за готовность сотрудничать.

– Да получается, что не за что теперь.

Я проводила взглядом какой-то взлетевший корабль. Ну вот. Моё задание провалилось, не успев начаться. Три дня, три адских дня изучения абсолютно не усваиваемой не логичной анти человеческой информации. Столько мук и всё зря! Но больше всего мне было обидно, что я потеряла возможность работать над заданием уровня Виктора Шеломина. Одна ошибка исследователей и вся подготовительная работа, не только моя, но и Посла, и всей его команды летит псу под хвост. Да что они там вытворяют! Нарочно что ли? Сначала Заноза, не предоставляя внятных доказательств, заявляет о рабстве, теперь ещё это ЧП! Да они хоть представляют весь масштаб бедствия? Из-за неосторожного заявления ученого, жаждущего славы, может быть уничтожена сотня лет кропотливой работы наших дипломатов в Совете Миров! А возвращение человечества в Совет и так без восторгов приняли. И нам приходится постоянно доказывать, что мы достойны быть полноправными членами. Делами доказывать! А эта миссия и есть такое дело! И что в итоге?

Я точно знаю, что программой миссии контакты с местными строго запрещены. Что они там творят? Почему он вообще вступил с ними в контакт? Чуть не погиб при контакте с местными! Камнями забили! Вы нарочно, что ли весь этот саботаж устроили? И как миссию после этого могут не закрыть!

Я бы сейчас полетела туда только что бы самолично всем по шее надавать! Ужасно обидно.

– Что-то случилось? Я могу помочь?

Я подняла глаза на незнакомого мужчину. От меня фонило проблемами. И это так контрастировало с привычной нормальной нашей жизнью, что люди не могли этого не замечать.

– Нет, благодарю, – постаралась выдавить улыбку я. – Просто сложное задание.

Я вляпалась в эту мерзкую грязь, пропиталась ей, я буквально чувствовала себя отравленной этой гадкой информацией. Хорошо, что теперь я могу от этого избавиться. Не знаю как, но должен же быть способ всё это забыть? И я, пожалуй, даже успею вернуться в проект.

– Повторите пункт назначения, пожалуйста, – вежливо попросил справочный автомат.

– Есть более быстрый способ добраться до 816 узловой базы, чем этот? – неожиданно для самой себя выпалила я.

Зачем я это делаю? Комиссия, которая, безусловно, вынесет решение о закрытии миссии, будет через четыре дня. Мне с пересадками до них добираться почти два дня. Я даже расспросить их толком не успею, не то, что избрести доказательства нашей невиновности в этом заранее проваленном деле.

Вот честно, я же подошла вызвать такси обратно к дому. Но... это не просто злость на непрофессиональное поведение сотрудников далёкой миссии. Я просто не готова сдаться! Я не могу отказаться от этого задания! Я хочу в этом участвовать! И это не первое абсолютно безнадёжное дело, в которое я впутываюсь.

– Это кратчайший путь, учитывая, что вам разрешен перелет на служебном грузовом транспорте, – пояснил справочный автомат.

И меня осенило. Я быстро набрала Константина.

– Дара? – удивленно отозвался он.

– Константин, когда и откуда вылетает медтранспорт за забитым камнями контактером? Я могу успеть на него попасть?

– Вы всё-таки решили лететь? Я сейчас перезвоню.

Две минуты тишины и недоумения. Вот что я делаю?

– Двадцатый сектор, двенадцатая площадка, – Константин соединил меня с координатором полётов напрямую.

– Я не вижу этого рейса, – я пробежала взглядом по табло вылета.

– Это не пассажирский сектор, – помощник Константина быстро перерегистрировал маршрут в моём билете. – Военный катер подбросит вас до 824 базы. Вас встретят и перебросят на 816-ю. Медтранспорт стартует через пять часов. Вы успеете.

– Благодарю! – как можно бодрее отозвалась я, чувствуя, как у меня коленки подкашиваются.

Показать, что готовы дать сдачи

Военный корабль. Истребитель? Ну что же, я сама напросилась. Ведь нет никакой разницы каким бортом нырять в струну, правда? Одна и та же технология притягивания подобного. Только в гражданском транспорте это большой надёжный корабль, а в военном... на фоне огромного грузовоза истребитель, к которому меня вез проводник, казался крошечной раздавленной скорлупкой.

Утешает только, что я кучу времени сэкономлю. Если выживу.

Пилот оказался высоким крепким парнем. Форменный костюм полностью скрывал его голову и лицо, не давая мне возможности узнать о моем пилоте ещё хоть что-то.

Он сделал шаг мне на встречу.

– Василий Терёкин, – бодро представился он. – Вы Дарирадость Светлова? Прошу на борт.

– Я точно выживу после этого? – я скользнула взглядом по выглядевшей слишком хрупкой обшивке борта истребителя. – Разве такие машины могут самостоятельно совершать дальние прыжки?

– Обижаете, мы же Силы Быстрого Реагирования. Это самый быстрый и надёжный способ переброски, – он сложил шлем, только закрывая за мной шлюз двери. Я даже успела подготовиться к тому, что наша атмосфера его виду не подходит. Но нет. Человек. Короткая уставная стрижка, русые волосы, серые глаза. Почти красавец, если бы не...

– Где вы получили эти ранения?

– Это не ранения, – он смущенно отвёл глаза, и повёл меня к моей капсуле. – Это следы контактов с Фениксом.

– Вы пилот Феникса?!?

– К сожалению, нет. Я не прошел испытание.

– Феникс оставляет такие ожоги?

– Я потерял контроль над эмоциями, – нехотя ответил он. – И над Фениксом. Сам виноват.

– А почему же вы сразу не залечили их?

– Что бы видеть в зеркале каждый день, над чем мне надо работать, – признался Василий, помогая мне настроить регулировки перегрузочной капсулы по моим параметрам. – Что бы не провалить следующую попытку.

– Будете пробовать ещё раз?

– Да. Обязательно.

– Зачем? Что вас всех так тянет в этот отряд? Живой металл, управляемый силой воли. По мне, так это необоснованный риск. Запредельно сумасшедшая технология.

– Фениксы посылают на самые значимые задания. А я все восемь лет службы в патруле наблюдения проболтался. Ни во что не вмешиваться. Огонь не открывать. Фиксировать нарушения и позволять уходить безнаказанно. Я не для этого в армию служить пошел. Я хочу делать что-то важное. Менять ситуацию к лучшему. А не наблюдать, как всякие гады творят, что хотят, а мы терпим, соблюдаем условия сотрудничества.

– Вы же на пограничье служите? А там важно не втравить человечество в очередную галактическую войну из-за какой-нибудь мелкой стычки из-за непонимания друг друга.

– И пусть творят что хотят? Зачем мы тогда там?

Я с этим же вопросом к Виктору приставала. И как бы он ответил сейчас этому бравому бесстрашному воину?

– Мы просто по-разному думаем и оцениваем действия друг друга. Для их образа жизни это может быть нормально и естественно. А для нас ужасно. Но нам необходимо жить рядом и жить в мире. На некоторые вещи приходится закрывать глаза.

– Нельзя на такое глаза закрывать! – возразил он. – Цеплагры – редкостные твари. Я вырос на пограничье. Нельзя их к нашим планетам и близко подпускать.

– Ну, себя-то мы в обиду не дадим, – я запнулась, вспомнив разговор с Послом.

Так вот оно что. Я лечу выяснить, как они сумели незаметно оккупировать планету с разумной цивилизацией. Именно для того, что бы мы не дали себя в обиду. Великий Космос! Если планета действительно оккупирована, а Совет это не видит, значит, мы не защищены от подобной судьбы!

– Неужели ваши ученые советники понять этого не могут? Нельзя с ними по-человечески. Не люди они. Они понимают только силу. Их надо постоянно ставить на место. Показывать, что мы им это не позволим. Каждое прощение их якобы особенностей, они понимают как нашу слабость и тут же нападают. Именно этим мы их провоцируем на агрессию. Тем, что сразу сдачи не даём. А потом улаживаем, уговариваем, сглаживаем противоречия. Нельзя так с ними. Они другие.

– Не могу с вами не согласиться, Василий, но мы не можем стать такими как они. Не можем опуститься до их уровня.

– Значит, терпим их дальше?

– Я как раз лечу это выяснить, – пообещала я.

– У вас пульс зашкаливает, – заметил Василий. – Не волнуйтесь так, это действительно самый безопасный транспорт.

– Васёк, пока ты флиртуешь с нашей гостей, наше время вылета истекает, – вмешался второй пилот. – Занять стартовую позицию! Я стартую.

Я расслабилась, прислушиваясь к еле заметному гулу двигателей и стараясь успокоиться и выровнять пульс. Не страх перелета, а неожиданно по-новому отрывшаяся для меня цель задания, заставили моё сердце взволнованно биться.

Ах, Василий. Отважный страж Пограничья. А я ещё сомневалась, лететь мне или нет! Показать, что мы готовы дать сдачи. Вот что нам надо сделать на этой далекой несчастной планете. Ещё до того, как они дотянутся до наших территорий, они должны знать, что мы дадим сдачи!

Часть вторая. Миссия со связанными руками

1 день на станции

Добро пожаловать и не задерживайтесь

Капитан удивила меня, ещё когда я бегло изучала её досье. Юрист, что редко требуется на такой должности. И при этом, она совершенно не соответствовала стереотипному образу о представителях этой профессии. Капитан Флоренс была женщиной крупной, но умудрилась не потерять ощущение гибкости и лёгкости движений даже при своих выдающихся формах. Не знаю, как можно скрупулёзно корпеть над параграфами отчетов, запросов и постановлений и при этом оставаться такой подвижной и эмоциональной женщиной. И очень обаятельной надо сказать. И голос у неё оказался неожиданно звонкий и музыкальный.

– Дарирадость – это настоящее имя или писательский псевдоним?

Этот вопрос неизменно конкурировал за первое место с вопросом «с какой целью вы к нам прибыли».

– Настоящее. Мама с папой верили, что имя определяет предназначение ребёнка.

– И с таким именем вы пошли в журналисты?

– А вдруг, благодаря имени, мне удастся вычеркнуть эту профессию из списка прокажённых?

Флоренс рассмеялась. Она сразу располагала к себе, если бы не мелкие детали в обстановке её кабинета, добавлявшие штрихи к её портрету. Например, нелепые занавесочки на иллюминаторах. Кто вообще вешает занавески на иллюминаторы? И эти пейзажи в картинных рамках. Неудачная попытка декорировать каюту под сельский домик.

– Зовите меня просто Дара, прошу вас.

– Ну что же, добро пожаловать на борт, – и она глянула за моё плечо. – А это что за делегация? Вам всем заняться нечем?

– Капитан, вы же умная женщина, – отозвался из дверного проёма молодой человек с насмешливыми глазами, по описаниям в досье это должен быть Влад, – не заставляйте нас выдумывать подходящие поводы. Мы просто хотим познакомиться с нашей гостьей.

– Дара Светлова, журналист, – представила меня капитан, – хотя, вы оболдуи, и так уже знаете. А это моя команда. Вот этот самый нахальный – Влад Знич. Карина наш биолог. Карина ты по делу или с этими бездельниками за компанию?

– Да ладно, Флоренс, мы всё успеем, – успокоила её смуглая кареглазая девушка. Такая юная. Это её первая миссия.

– Так, шалопаи, вам здесь мёдом намазано? – прикрикнула на них капитан. – Нечего глаза пялить, познакомились и шуруйте работать!

– Может мы тоже хотим узнать побольше о нашей гостье, – возразил Влад.

– Если есть вопросы – задавайте быстро, – осадила его Флоренс. – Не забывайте, у нас жёсткий график связи сегодня. А твой отчет я ещё не вижу.

– Через четыре минуты будет, – пообещал Влад.

– Вы будете у нас всех интервью брать? – перевела внимание всех на меня Карина.

– Нет. Скорее это будет похоже на допрос, – я решила не терять времени на доказательства нужности моей профессии. Хотят верить, что журналисты зло, пусть верят.

– Допрос?

– И на основании ваших показаний я составлю отчет для нашего Посла. Рассчитываю на ваше сотрудничество.

– Вы работаете на наше посольство при Союзе Миров? – уточнила Карина.

– В настоящее время да, – я убедила себя, что ни капли не лукавлю, ведь именно их задание я сейчас выполняю.

– Замужем?

Я обернулась к Владу, но встретилась с восторженным взглядом больших карих глаз. Нет, просто сказать, что глаза у него карие, будет недостаточно. За такие густые ресницы парочка моих подруг ежедневно сражались с кучей косметических приспособлений. А этому парнишке, похоже, они достались даром от рождения. И они придавали такое трогательно доверчивое выражение его взгляду, что слова просто застыли у меня на языке.

– Влад! – вместо меня звонко возмутилась капитан Флоренс.

– Чем мой вопрос хуже? – хихикнул Влад.

– Это не относится к моим профессиональным качествам, – пояснила я.

Ему лет восемнадцать – двадцать. Значит это – Горга Витоз, оператор видеонаблюдения. Горга вдруг приосанился, даже воротничок поправил. Но причиной было не моё внимание. Он смотрел куда-то за моё плечо.

– Оперативно! – донесся из-за моей спины язвительный голос. – Не успели Пашку увезти, а журналист уже тут как тут!

Я обернулась. Ну, на ласковую встречу я и не рассчитывала. Заноза стояла, прислонившись к стене, сложив на груди руки, и смотрела с нескрываемым вызовом. Она совсем не изменилась. Такая же худая до угловатости, всё с той же бесцветно-мышинного цвета косой, уложенной на затылке в тугий узел, и настороженным взглядом таких же бесцветно блёклых глаз. Этаким ученый сухарь. Она всегда такой была. Словно решила пропустить юность со всей этой романтикой и беспшабашными выходками, и сразу стать мудрой ворчливой старушкой.

– Что в Большом Космосе не из чего больше сенсацию раздуть?

– А я здесь не из-за забитого камнями сотрудника, – подчеркнуто мягко ответила я на её выпад. – Я об этом ЧП узнала уже в аэропорту, за четыре минуты до вылета. Вопрос о закрытии вашей миссии был внесен в график работы Совета Миров за пять дней до этого происшествия. Я здесь из-за твоего громкого заявления, Саша. У нас три дня, что бы ясно и четко оформить неоспоримые доказательства существования рабства на этой планете. Или вас закроют, не доводя рассмотрение до Совета Миров.

Выражение лица Занозы внешне не поменялось. Поменялся лишь впившийся в меня как в нежеланную гостью взгляд.

– У тебя же есть доказательства?

– Идем! – решительно махнула рукой Заноза.

– Никаких «идем»! – остановил нас звонкий окрик капитанши. – Сначала обедать, в душ и к моему милому. То есть, к нашему доктору. А после можете ходить сколько влезет.

– Но у нас сеанс консультации через сорок минут! – возразила Заноза. – Потом совещание. Я бы хоть в курс дела её ввести успела.

– Вот отметится у Ройзы, и вводи куда хочешь. Порядок должен соблюдаться.

– Что за консультация? – вмешалась я.

– Ноосферного инфоэколога, – пояснила Заноза нехотя, словно сомневаясь, что этот набор слов что-то объяснит.

– Я успею на неё! – пообещала я.

Итак, ионный душ, врач, и если чудесным образом останется пара минут, возможно, даже успею перекусить. Нельзя сказать, что контакт с Занозой налажен, но могло быть и хуже. Честно говоря, самое время признаться, что я слегка преувеличила, заявив послу, что хорошо знакома с Александрой. Мы действительно учились в одном университете, но не общались и даже зна-

комы лично не были. Я запомнила её только из-за звучной фамилии. Александра Зариноза. Все, понятное дело, звали её просто Сашка Заноза. В то время она казалась жутко скучной придиричливой занудой. Это сейчас я, конечно, уже понимаю, что её вьедливость, настырная жажда докопаться до сути и выяснить всё до мельчайших деталей – это качества настоящего исследователя, каким она сейчас и стала.

И вспоминая, какой я сама позволяла себе быть в те студенческие годы, оставалось только надеяться, что Александра этого не помнит. Или хотя бы не вспомнит теперь, чем я могла её обидеть.

Врач миссии Ройза Брукбер не был щуплым низеньким тихим подкаблучником. Таким его делало сравнение с его крупной звонкой женой. Да, ему выпала честь по совместительству быть ещё и мужем капитана станции. Даже не смотря на то, что капитана Флоренс сейчас не было рядом, мысль о том как они будут смотреться рядом, вносила корректировки в первое впечатление о докторе.

– Какое у вас прекрасное имя, Дарирадость.

– Только не вздумайте так ко мне обращаться, прошу вас, – улыбнулась я. – Достаточно просто Дара.

– Очень жаль, – шутливо вздохнул доктор на мою просьбу, не отрываясь от тестирования показаний моего состояния здоровья. – Само звучание вашего имени могло бы скрасить некоторые негативные моменты нашей ежедневной рутины. Ну, не смею вас задерживать. Отдыхайте, обживайтесь, знакомьтесь с нашей командой. Добро пожаловать на борт, как говорится.

Какой милый человек. Жаль, что времени в обрез. Некогда с ним побеседовать. Врач на станции всегда знает всё и обо всех.

Доступ к памяти вымершей цивилизации

Я вошла в зал, когда сеанс связи уже начался. Заноза обсуждала что-то с самодовольным упитанным типом, который просто обязан был сразу не нравиться. Типичный эксперт в очень узкой области, кичащийся своим исключительным знанием того, что остальные просто не считают нужным изучить.

– То есть, представитель другого вида не может считать информацию о прошлом другой цивилизации? – уточнила Заноза.

– В Большом Космосе ни о чём нельзя утверждать категорично, – с осторожностью, присущей всем консультантам, возмнившим себя экспертам в каких-то областях, увернулся от прямого ответа консультант, – но с большей долей вероятности, это так.

– И то, что некий индивид, может считывать информацию о прошлом вымершей цивилизации, может служить доказательством, что он потомок этой цивилизации?

– Доказательством нет, – он профессионально решительно отвертелся от ответственности за то, что ему как эксперту и придётся это доказывать. – Но вероятность этого очень велика. Видите ли, Александра, способность считывать определённые уровни информации – это, по сути, свойство проводимости организма. И закладывается эта способность на генетическом уровне, а потом тренируется и развивается практикой. Но генетический код первичен. Как нельзя научиться слышать, если ушей у организма просто нет, так и определённые уровни информации притянуть и считать просто невозможно, если генетика изначально не вложила в организм орган для их считывания. Кто-то способен проводить через себя низкие вибрации, кто-то высокие. Так и с пакетами информационной памяти вида. Нужно быть синхронизированным с этими вибрациями, и быть способным пропустить их через себя и расшифровать верно.

– Для этого нужно быть той же генетики?

– Да. При том, чем меньше отклонений, мутаций, тем меньше искажений при считывании.

– А если новый вид очень близок к вымершему, но не является его наследником, такое приближение генетики может случиться?

– Александра, такое абсолютно невозможно, – самодовольно ухмыльнулся консультант. – Внешне может быть достигнуто сходство с другим видом. Если, например, это самая подходящая форма жизни для данных условий. Но информационно... Нет. В генетическом коде всё равно будет непреодолимая разница. Материальная составляющая ДНК, весь этот набор аминокислот может совпасть почти полностью, но информационная составляющая – никогда.

– Значит, всё-таки, – резюмировала Заноза, – если индивид вдруг начинает транслировать знания исчезнувшей цивилизации, он с большей долей вероятности, их прямой потомок.

– Да. Хотя, утверждать наверняка не возьмусь, – тут же подстраховался эксперт.

Я не могла дождаться, когда они закончат. Лучше бы я спокойно пообедала. Было жаль терять время на эту болтовню ни о чём. Я рисковала лететь сюда на чем попало, лишь бы выиграть эти несколько часов, а теперь теряла их на эту никчемную консультацию!

– Более изворотливого типа я не встречала, – я поняла, что немного перестаралась картинно заказывая глаза, и изображая облегчение от того, что эта якобы консультация якобы специалиста, наконец, закончилось.

– Да уж, – вздохнула Заноза. – Но приходится довольствоваться тем, что нашли.

Но Заноза не была бы занозой, если бы тут же не добавила:

Журналистов нам присылают более качественных, чем консультантов.

– Меня бы не прислали сюда, если бы речь не шла об угрозе закрытия миссии, – напомнила я, вслед за ней выходя из зала. – И отстранения людей от сотрудничества здесь.

– Да, оперативно сработали, – кивнула Заноза, криво улыбнувшись. – Но кроме этого ЧП с Павлом, у нас нет больше никаких нарушений.

– И, тем не менее, обвинения выдвигаются с завидным постоянством.

– Нет у нас нарушений! – огрызнулась она. – Эксперимент по отселению отторгнутых роем официально одобрен Советом. Даже если некоторым это и не нравится. Это признано не вмешательством в течение жизни цивилизации. И мы не нарушили ни разрешённого числа изымаемых особей. Ни требований к их состоянию, ни требований по их добровольному выбору уйти. На каком основании плодятся эти бесконечные комиссии, заставляющие нас вновь отвечать на обвинения, которые уже были сняты тремя предыдущими комиссиями? Мы столько времени тратим, отвечая на бесконечные высосанные из пальца обвинения, что на исследовательскую работу времени не остаётся!

– погоди, – чутье журналиста выхватило интересующий факт, проскользнувший в потоке этой исповеди, – вы отселяете отдельных особей? Изымаете из роя? И вам это разрешили?

– Да, – подтвердила Заноза. – Этот эксперимент продолжается уже более шестидесяти лет. И мы строго придерживаемся всех требований и ограничений.

– Вы изымаете отдельных особей из роя? – уточнила я ещё раз. – Но ведь это фактически убийство. Отдельные особи не могут выжить вне роя.

– А наши выживают! – упрямо возразила Заноза. – При том, прекрасно себя чувствуют! Гораздо лучше, чем в рое.

– Ты на основании этого сделала вывод, что это не рой?

– Не только. Есть много других доказательств.

– Конкретнее, – потребовала я. – Мне нужно опровергнуть всё, в чём вас обвиняют.

Заноза обернулась и уставилась на меня с явным недоверием.

– Саш, я не ради подтверждений ваших нарушений сюда прилетела, – сказала я, глядя ей прямо в глаза. – Центр считает, что закрыть миссию хотят не из-за ЧП, а из-за твоего заявления. О рабстве. Возможно, весь этот поток обвинений спровоцирован тобой.

Пренебрежение в глазах Занозы лишь на долю секунды сменилось болью, что бы вновь спрятаться за холодным взглядом исследователя.

– Итак, это не рой, потому что отдельные особи прекрасно выживают вне роя, – начала я. – Это раз. Что ещё?

– Пошли. Сейчас будет общее совещание, – Заноза резко развернулась и пошла вперёд. – После совещания продолжим.

Оставалось только идти за ней следом. Что же, на восторженную встречу, нечего было рассчитывать. Но беда в том, что я даже не помнила, могла ли тогда обидеть Занозу. Может, на этот раз, я такое отношение действительно заслужила. И не как журналист. Как личность.

Неподготовленность к уровню страха

– Да что ты говоришь! – звонкий голос капитана ворвался в зал раньше её самой. – Не подготовлен! Ха! Это Пашка-то не подготовлен? Ты посмотри на его результаты!

– Программа подготовки не может предусмотреть всего, с чем мы можем столкнуться, – осторожно убеждал Флоренс вошедший за ней доктор Ройза. – Комиссия считает, что его психика не справилась.

– Ладно, о выводах врачей после, – прервала его Флоренс, усаживаясь на своё место, и обратилась ко всем присутствующим:– Представляю вам нашу гостью, если ещё не успели познакомиться. Дарирадость Светлова. Журналист. И она здесь не из-за Пашки, а из-за заявления Александры.

– Можно просто Дара, – привычно поправила я, игнорируя улыбки присутствующих.

– Не знаю, поможет ли нам расследование Дары, – Флоренс вздохнула.

– Можешь не говорить, – Заноза перехватила сосредоточенный взгляд капитана. – Нарушение протокола исследований. Наше присутствие на планете замечено местными. Миссию закрывают.

– Ну не сразу закрывают, – деланно спокойно вскинула брови Флоренс. – После рассмотрения многочисленных фактов нарушений на заседании аж Совета Миров! Вот на таком уровне нас будут гнать отсюда.

– Совет Миров? Так мы для них сейчас отчет готовим? – уточнил большеглазый Горга. Голос его звучал твёрдо и уверенно, так что же он так подскочил при появлении капитана в дверях? Как не выучивший урока школьник.

– Нет. Для них отчет будет готовить Дара, – пояснила капитан. – Мы готовим отчет для комиссии по ЧП с Павлом. И это заседание через три дня. А заседание комиссии Совета Миров через шесть. Поэтому, даже если мы отобьемся на первом уровне... у нас ещё второй раунд. Так что, не раскисать! Надо отстоять миссию! Начнём. Горга?

– До момента аварии с катером, вся ситуация шла строго по сценарию. Никаких нарушений с нашей стороны, – отчитался он. – Пашка ничего не нарушил. Всё произошло из-за падения режима невидимости, транслируемого с катера. Видеоотчет с камер Пашкиного костюма я собрал. Там, в конце два экрана выключаются. Они вышли из строя после ударов камней.

Горга вывел на экран запись.

Павел: «Портал в норме. Начинаю переговоры».

Я вспомнила его фотографии из личного дела. Улыбчивый солнечный мальчик. Бодрый радостный голос так соответствовал этому образу. Был слышен лёгкий шелест защитного поля. И гул ветра в каменных стенах города. Шорох разносимого ветром песка и какого-то мусора.

Павел пошёл к скорченному в тени у стены непонятному силуэту. Я не могла опознать в этом живое существо.

Павел: «Он точно не спит? Совсем не шевелится».

Лариса: «Фиксирую отсутствие реакции на любые внешние раздражители. Но он жив. Пока».

Павел бросил маленький камешек рядом с тем, что считал умпалом. Я так и не смогла узнать в этом очертания местного жителя. Хотя, я не могу похвастаться, что хорошо знаю, как они должны выглядеть. Тень неохотно и слишком заторможено пошевелилась в сторону камешка и тут же потеряла к нему интерес.

Павел: «Жив».

Павел включил трансляцию записи и внимательно наблюдал за реакцией существа, оставаясь невидимым для него в луче защищающего поля. Существо не реагировало на первую часть записи. Не отреагировало на обращение во второй части.

Лариса: «Паш, у нас восемь минут до конца рабочей смены. Через восемь минут здесь будет целая толпа. Нам надо будет забрать тебя вовремя».

Павел: «Я знаю. Давай-ка ещё раз вторую запись».

Лариса: «Я не фиксирую у него изменение состояния».

Павел: «Он смотрит на портал».

Лариса: «Ясно! Тогда транслирую повторно».

Я так и не смогла разобрать, где у этой тени голова, не то что, куда он смотрит. По одному из экранов побежали строчки медицинского отчета. Это Лариса проверяла показания состояния Павла. Атмосфера планеты была слишком агрессивна для людей. А Павел сейчас работал внизу, на планете, контролируя момент переборки очередного умирающего умпала. Вжавшийся в угол умпал, судя по мигающим красным строкам, был в ужасающем состоянии. Судя по пометкам рядом с цифрами, он не ел уже дней шесть, почти не двигался, и аппаратура фиксировала сильную заторможенность работы основных систем его организма. Сознание мерцающее. Воля на нуле. Он просто не хотел больше жить.

Лариса: «Паш, время на исходе. Я заберу тебя, хочешь или нет».

Павел: «Ну, ты же видишь? Он уже встал. Смотрит на портал. Дай ему время на принятие решения».

Лариса: «Три минуты до конца рабочего дня. Ты, оболтус, о своей безопасности всегда забываешь. Мне приходится думать за нас обоих».

Павел: «Ничего, я тут в сторонке постою. Они меня не заметят».

Павел был вдохновлен тем, что умпал реагирует на трансляцию. В его голосе звучало столько радости.

Лариса: «Не могу позволить тебе столкнуться с толпой. Ты себе какую-нибудь местную красотку присмотришь и начнёшь флиртовать. А мне что, любоваться на вас сверху?»

Павел: «Он сделал шаг!»

Восторженным голосом ребёнка, отозвался Пашка, увлеченный своей работой, он не отреагировал на шутку Ларисы.

Павел: «Ларочка, он согласен! Ну, ещё пару минут. Дай ему время дойти. Он идет!»

Лариса: «Ладно, но только... Что?»

Звук удара и голос Ларисы оборвался. Павел вскинул голову вверх. Раскат грома с треском прокатился над его головой. Камера успела зафиксировать отблеск вспышки. И полосы следа, оставленного в небе падающим катером и явно прослеживающуюся траекторию разворота второго объекта. Всплеск. Павел смотрел на падение катера Ларисы, но камера засекала на краю видимости, как второй объект исчез, видимо, нырнув в подпространственный прыжок.

Павел: «Ла-а-ара».

Павел растерянно следил за исчезающим в облаках, потерявшим заслон невидимости катером. Катер падал! Падал! Ещё несколько секунд и... Нет, она выровняла... Нет! Сорвалась. Павел: «Ларочка...»

Взвизгнул датчик. Что-то ударило Павла в плечо. Он оглянулся. Вокруг него широким кольцом стояли умпалы. Расщеперив роговые пластины, раздувшись. Они видят его.

Павел: « Вот, досада».

Он прошептал это, оглядывая окруживших его умпалов. Они делали какие-то резкие движения, волновались. Громкий, тугой эмоциональный фон, который они сейчас излучали, буквально оглушал. Датчики состояния Павла тревожно вносили в отчет красные строчки. Павел поймал взглядом прекративший падение катер. Ещё один удар пришёлся в бедро.

Лариса: « Паша!!! Паша, ты цел?»

Павел: «Лара, что случилось?»

Он закричал в ответ он, услышав её голос.

Лариса: «Я сейчас заберу тебя, потерпи минуту. Проклятье! Рифгет всмятку!»

Павел: «Что случилось? Ты цела?»

Павел машинально прикрыл голову, выронив, пойманный перед этим камень.

Лариса: «Мы столкнулись. Не знаю с чем. Паша, поле рухнуло! Они тебя видят!»

Павел: «Я уже знаю».

Он ответил спокойным уверенным голосом, хотя сам в это время, укрывал голову от нескольких, одновременно летящих в него с разных сторон предметов.

Павел: « Они кидают мне камни. Что я должен делать?»

Лариса: « Я сейчас тебя заберу.

Павел: «Ай!»

Удары сыпались на него со всех сторон. Кольцом окружившие его возмущенные умпалы, метали в него камни. Их эмоции были слишком тяжелы и оглушающи, а Павел никак не мог понять, что они от него хотят. Защита костюма не справлялась с внезапным камнепадом. От очередного попадания камня в голову, он потерял равновесие и упал на колено.

И так встревоженные датчики состояния Ларисы, резким всплеском отреагировали на возвращение картинки с камеры наблюдения. В этот момент Лариса увидела как кольцо беснующихся в ярости умпалов, забрасывают Павла камнями. Как он пытается подняться под этим градом булыжников. Это заставило её мгновенно собраться. Ей волнение и остатки растерянности как рукой сняло.

Лариса: «Я сейчас. Потерпи, я уже прицеливаюсь».

Павел: «Я не успеваю ло... вить их. Ай! Они кидают мне камни».

Павел держался за голову.

Лариса: «Сейчас! Ещё секунду!»

Павел: «Что? Ай! Что мне с кам... камнями делать? Что им надо?»

Лариса: «Они не тебе! Они в тебя кидают!»

Контроль состояния Павла отчаянно пищал, поднимая тревогу на всех следящих устройствах.

Павел: «А зачем мне камни? Это тоже обряд?»

Лариса: «Поймала! Забираю тебя!»

Павел: «Я не могу его бросить!»

Павел развернулся к вновь вжавшейся в угол тени отверженного.

Лариса: «У тебя ключица сломана! Отпусти отказ! Я забираю тебя!»

Голос Ларисы дрожал от волнения.

Флоренс: «Пашка, согласие не получено! Оставь его! Живо на борт!»

Павел рухнул на бок и выпустил зажатый контролер отказа от переброски.

Горга перемотал как Лариса, растирая слёзы, склонилась над скорчившимся на полу катера Павлом, боясь дотронуться до его искалеченного тела, что бы не причинить ещё больше боли. Как санитарный дрон поднял его тело в кокон силового поля, фиксируя положение тела и транспортируя его в санчасть.

В нормальной скорости запись пошла, транслируя происходящее уже на борту станции.

Ройза: «Пашка! Да отпусти ты эти камни!»

Доктор быстро шел рядом с транспортируемым телом, считывая показания повреждений.

Пашка: «Они мне... подарили...»

Не слушающимися разбитыми губами возразил он.

Ройза: «Похоже сотрясение! Костюм пробит. Химические ожоги кожи. Гематомы».

Доктор передавал данные капитану, спеша рядом с транспортирующей Павла медкапсулой.

Ройза: «Ключица сломана. Похоже, ребро сломано и в двух трещины. Перелом лучевой на левой руке. Трещины в трех позвонках. Кошмар! Он как из мясорубки, кровоподтёки, живого места нет».

Флоренс: «Почему столько крови?»

Ройза: «Голова цела. Бровь рассечена».

Павел: «Зачем? Они мне камни...»

Ройза: «Сотрясение. Он бредит».

Горга выключил запись

– Технически, нарушений со стороны Пашки и Ларисы нет, – справившись с дрожащим от переживаний голосом, подытожила Флоренс. – Даже если бы им пришлось заканчивать операцию уже при появившихся прохожих, что и случилось, прикрытый полем Павел, был бы в безопасности.

– А как же открытый портал? – уточнила я.

– Портал транслируется индивидуально, – пояснил Вадим. – Его, находящиеся под другим углом к плоскости портала, не видят.

– А нельзя было раньше операцию провести? Что бы точно не столкнуться с местными? – мне этот вариант казался очевидным.

– Мы не можем забрать индивида, пока его показания не дойдут до крайней точки, – тоном, явно не одобряющим это абсурдное требование, объяснила Саша. – Нам разрешено изымать только тех, кто точно умрёт. Мы отслеживали этого несчастного. И вылетели за ним, как только его показания достигли разрешённых для изъятия значений.

– Ясно, – кивнула я, это стандартное требование. Разрешить изъять любое существо при полном запрете контактов, могут только при условии его полной нежизнеспособности в привычной ему среде, и при получении его неоспоримого согласия на изъятие. По всем показания, тот упал практически уже был мертв. И уйти через портал согласился сам, раз встал и пошёл.

– То есть все наши нарушения вызваны поломкой катера, – продолжила Флоренс. – Ненадлежащий уровень обслуживания планетарной техники.

– Катер был абсолютно исправен, – возразил Борис. – Я же предоставил данные проверки.

– Да там ясно виден след траектории второго объекта! – опередил меня Горга. – Лариса столкнулась с кем-то. Она даже на записи это объявляет.

– Столкнулась, – кивнула капитан. – А вот на сканерах второй объект не зафиксирован! След есть, а борта нет. Борис?

– Я не могу это объяснить, – отозвался он. – В момент столкновения в этом районе зафиксировано нахождение только одного борта – катера Ларисы. Здесь какой-то сбой, вероятно из-за молнии. Потому что на секунду номер задвоился. Так словно катер в этом месте присутствует два раза в одной точке времени и пространства.

– Так! Вот эта твоя теория со сбоями ритма времени на планете не прокатит в комиссии, – осадил его Флоренс. – Давайте к вменяемой версии вернёмся. А то нас не то, что закроют, ещё и к наблюдению у психологов приговорят!

– Но траектория есть! – Горга указал рукой в сторону экрана, хотя этот момент уже давно не транслировался.

– А корабля нет! – всплеснула руками Флоренс. – Атмосферная аномалия!

– Флоренс, не было в тот момент никакой грозы, – приложив руку к груди, словно клянясь, уверенно произнес Лукас. – Абсолютно чистое место. Нет ни малейшего шанса, что грозовой разряд мог образоваться при таком низком уровне статики. Ни малейшего. Не было грозы, клянусь.

– Ни молния, ни столкновение, ни поломка. А катер едва не рухнул, поле упало, Пашка еле выжил, – Флоренс переводила взгляд с одного на другого, ожидая, что кто-то ещё какую-нибудь версию предложит.

– Столкновение, – упрямо заявила Лариса. – На катере явные следы столкновения. Внешняя обшивка нарушена, вмятина и царапины. Рифгет буквально расплюснен! Знаете, какое давление поля нужно создать, что бы так его спрессовать? Это не молния! Это следы физического столкновения с материальным объектом!

– Но не метеорит же это? – устало вздохнула Флоренс.

– Нет. Не метеорит, – качнула головой Лариса. – Это чужой корабль.

– Нет на этой планете никаких кораблей, кроме наших. У этой цивилизации свои корабли ещё не скоро появятся.

– Я настаиваю, что бы вы выдвинули версию столкновения с чужим кораблём, – упрямо повторила Лариса. – И предоставили как доказательства: траекторию следа, запись систем моего катера и сканирование повреждений. Любому болвану будет понятно, что такие повреждения молния нанести не могла.

– Хорошо. Это в любом случае лучше фантазий про временные аномалии, – кивнула капитан.

– Это единственное объяснение, почему катер в этой точке был два раза, – вмешался Борис, отстаивая свою версию.

– Лариса сама с собой, по-твоему, столкнулась? – возмутилась капитан. – А потом ещё и в подпространство скаканула на простом катере? Нет уж, я такое заявлять не буду! Пусть они сами такие версии выдвигают, умники. Ладно, с этим понятно, что ничего не понятно. Следующий пункт обвинения, что я допустила к работе неподготовленного для этого сотрудника. Это они про Павла.

– Что!?! – подскочила Лариса.

– Сядь и успокойся, – осадил её Флоренс. – Это врачи масла в огонь подлили. По выводам врачей, обследовавших сейчас Павла, он неадекватно себя вел в критической ситуации и до сих пор в себя не пришёл из-за того, что был не подготовлен к этому. И Ройза тоже так считает.

– Я не так считаю, Флоренс, – вздохнул доктор. – Ну что ты опять всё в одну кучу валишь? Ты же сама заметила странность его поведения.

– Да, он вцепился в эти камни, но это же не означает, что он не был подготовлен к работе?

– Да прекрасная у него подготовка, – утешил Ройза, – он оказался не подготовлен к такой концентрации страха. Павел вырос в мире, где страха нет. Он не знает, что это такое. Горга, выведи запись. Вот смотрите сами.

И сердце моё сжалось. На фотографиях в досье Павел был улыбчивым голубоглазым парнем с белокурыми кудрями. Высокий, крепкий, сильный, с ослепительно счастливой улыбкой. Этаким солнечный мальчик, которого все любят за добродушный характер и неизменно

позитивное отношение к жизни. Потому что не влюбиться в этого улыбочивого парня просто не возможно.

Сейчас он был больше похож на мумию. Его почти не было видно под слоями биопластыря. А то, что было видно, выглядело пугающе. И только глаза светились всё теми же счастливыми, озорными искорками.

– Верни мой камни, – насмешливо настаивал Павел, следя глазами за перемещениями доктора. – Мне надо выяснить, что с ними делать. Понимаешь, это же первый контакт. Это важно выяснить. Они все кидали мне камни.

– Павел, они не тебе, они в тебя кидали, – доктор, продолжая сканировать его зафиксированное, лишённое возможности двигаться, тело.

– Зачем? Я даже не успевал их ловить.

– Агрессивная реакция, порожденная страхом перед неизвестным, – спокойно повторил доктор.

– Да, ты уже говорил, что они меня убить хотели, – согласился Павел, хихикнул и тут же возразил, – но в этом нет логики. Камни – это же для них строительный материал, так?

– В данном случае – нет. Это орудие убийства. Это явная агрессия.

– Я не сделал им ничего плохого.

– Ты их напугал. Ты слишком неизвестное явление для них.

– Что-то я опять не понял, – едва заметно качнул головой Павел, – я для них что-то новое, и поэтому они разозлились на меня? Они меня решили убить, потому что я что-то незнакомое?

– Да, – терпеливо в который раз уже подтвердил доктор.

– А как они вообще узнают что-то новое с таким подходом? – рассмеялся Павел, ойкнул, и тихонько простонал. Но улыбка почти сразу вернулась на его помятое лицо, пересечённое пластырями, стягивающими рассеченный лоб и щёку.

– Ты для них – явление, слишком далеко выходящее за рамки их представлений о действительности.

– Так это же интересно! Ты видишь то, с чем ты никогда ещё не встречался!

– Это тебе, непоседе, интересно. А им страшно.

– И они решили меня убить? – насмешливо, так и не поверив в версию доктора, переспросил Павел. – Понятно, почему у них так мало учителей. Кто захочет сообщать другим что-то новое при таких традициях в обществе?

Доктор выключил запись.

– Как видите, с Павлом всё в порядке. Но принять мысль о том, что его хотели убить, он так и не смог. Он в принципе не готов принять факт возможности существования такой концентрации страха и агрессии. Поэтому я сам поднял вопрос о его профпригодности и возможности продолжать работу здесь. К состоянию его здоровья это никакого отношения не имеет. Мы восстановим его за месяц с небольшим.

– Так что у него с головой? Сотрясения точно нет? – задумчиво уточнила капитан. – Он действительно странно себя ведёт.

– Он контужен, – кивнул доктор. – Но это не последствия ударов камней. Это последствия обрушившейся на него эмоциональной атаки. Павел был не готов к такой концентрации агрессии и страха. Их уровень настолько превышает знакомую ему норму, что он даже не распознал их. Он был оглушён этим выбросом тяжёлых низких вибраций, дезориентирован. И этот эффект ещё не прошёл. Поэтому он и не может понять, что они пытались его убить.

– Но зачем? – капитан нагнулась вперёд, опершись локтями на стол, что бы иметь возможность заглянуть в глаза доктору.

Ройза вздохнул, поняв, что не только Павлу ему придётся объяснять всё заново и несколько раз, прежде чем это непонятное поведение умпалов уложиться в головы.

– Павел для умпалов – это совершенно неизвестное и непонятное явление. А так как уровень страха у них и так слишком высок, то им привычно бояться всего нового. Неизвестное опасно своей непредсказуемостью. Они решили убить его, пока он не убил их. Пока их собралось много и они с ним точно справятся. Да, я понимаю, как сложно это понять, но на определённых уровнях развития, это характерная реакция на неизвестное.

– То есть, поведение Павла в момент нападения на него вызвано его неспособностью принять факт агрессии против него? – уточнила Лариса.

Доктор кивнул.

– Я поняла, – кивнула Флоренс. – Не будем торопиться с выводами о Павле. Возможно, нам всем скоро придётся прекратить работать здесь.

Я с удивлением заметила, как болезненно отреагировала на её слова Заноза. Надо же, эта сухая и ничем кроме своих исследований не интересующаяся зануда, проявляет простые человеческие реакции. Должно быть, эта работа в этой миссии действительно дорога ей.

– Значит, вы изымаете приговорённых к смерти? Я не очень поняла этот момент из отчетов. У них же нет казней. Или я ошибаюсь?

Капитан посмотрела на меня и тяжело вздохнула.

– Это тебе Сашка пусть объясняет, – и Флоренс указала на Занозу. – Но я могу подтвердить, что все разрешения на этот эксперимент у нас есть. Всё официально, со всей отчетностью.

Я развернулась к Саше. Так на капитана обычно не смотрят. С такой вот снисходительной улыбочкой. Ещё один штрих, про их отношения надо позже выяснить. А сейчас про изъятых.

– Саша?

– Смертных казней нет. Но погибает их и так много. По разным причинам. Пошли ко мне в лабораторию. У Флоренс и техников сейчас будет сеанс связи.

Отравленная еда – кто в это поверит?

Заноза начала объяснять уже по пути сухим тоном официальных отчетов.

– Нам разрешено для исследований изымать строго регламентированное число особей из тех, кто выпадает из роя и согласен добровольно уйти.

– Выпадает?

– Рой – это биомеханизм. Со своим размерным ритмом жизни. Каждый член роя – это деталь этого механизма. Он выполняет свои функции и вся система работает. Каждый знает своё место, что ему делать и зачем. Но иногда случается так, что кто-то перестает чувствовать этот ритм и выпадает. Все продолжают жить как жили, а этот не понимает, что ему теперь делать. Теряет цель и смысл жизни, перестает выполнять свою работу. Такие особи сначала медленно слоняются по городу, потом забиваются в какой-нибудь угол и медленно умирают. Им никто не помогает. Их никто не трогает. Никто не обращает на них внимания. Вот таких обречённых мы с их согласия и изымаем. Они всё равно умрут.

– И если они добровольно идут в портал – это не оспаривается как согласие?

– К счастью нет. Но каждое слово трансляции, расстояние до портала, время вещания – всё строго регламентировано. Мы обязаны дождаться почти полной остановки работы сознания, фактически момента смирения со смертью, что бы успеть потом быстро установить рядом портал транспортера. И начать транслировать им картинку.

– А что вы транслируете? Их не пугает неведомое?

– Они видят портал как открытые ворота, за которыми природный ландшафт. Собственно, это картинка того места, куда их транспортер перенесёт. Никакого обмана. И параллельно транслируется текст: «Если тебе плохо здесь, ты можешь уйти из города. Попробуй жить иначе». Одиннадцать из двенадцати встают и уходят из городов через наши ворота.

– И попадают в дикую природу?

– Да, – кивнула она. – Мы выбираем места недалеко от поселений свободных, что бы они могли найти новеньких и помочь. Нам не разрешили подавать им какие-либо сигналы о помощи. Это было бы прямым вмешательством – приучать их действовать по нашим сигналам. Нам остаётся только присматривать за перемещёнными. Подкидывать им пропитание в первое время. Они приучены к городской еде и сначала не знают, что вокруг них теперь практически всё можно употреблять в пищу.

– А они этого не знают? Не знают, что можно есть, а что нельзя?

– Нет. В городе их держат на обработанной пище. И, очевидно, они испытывают трудности, с тем как опознать пищу в живом растении и минералах. Но зато они довольно быстро приходят в себя, возвращается интерес к жизни. Они оживают прямо на глазах. – Заноза увлеклась, и её сухой голос наполнился красками. – А значит, это никакая не болезнь. Больных, кстати, рой лечит, а этих просто игнорирует. Рой словно чувствует, что такие больше не являются его частью.

– Отдельные особи способны выживать вне роя?

– Поэтому я и заподозрила, что никакой это не рой. Будь они роем, они не могли бы жить самостоятельно. Они как ампутированная часть тела, без поддержки всего организма начинают умирать. А здесь всё наоборот.

– А остальные продолжают считать себя роем?

– Мы не знаем наверняка кем они сами себя считают, – Саша открыла двери, пропуская Дару в свою лабораторию. – Возможно, до определённого времени, большинство не задумывается об этом.

– Не задумываются рой они или нет?

– Я уверена, что такое происходит с теми, кто начинает задумываться о своей жизни, о том, что и зачем он делает. Возможно, он осознаёт, что жизнь его общества устроена неправильно, что ему плохо здесь. Но не знает, как это поправить. Всех это устраивает, кроме него. Он теряет смысл жизни, чувствует себя лишним. Но выхода нет. Именно поэтому, когда мы предлагаем выход, они соглашаются. И это доказывает, что они осознают, что можно жить иначе. Они просто не знают как.

– Так! Значит, они, по-твоему, в какой-то момент понимают, что с их жизнью что-то не так, расстраиваются и решают умереть?

– Они теряют смысл жизни. Это серьёзно!

– Я не спорю, – остановила её я. – Но вы показываете им просто открытые ворота, и они сразу обретают надежду? Серьёзно? Им никому не приходит в голову выйти в ворота самим? Или их не выпускают?

– Умпалы считают, что за стенами города их ждёт неминуемая смерть, – в голос Занозы вернулась официальная холодность и бесцветность.

– Они никогда не выходят из города?

– Выходят. Для работ на полях или шахтах.

– Они регулярно ходят работать за город, но считают это смертельно опасным? – недоверчиво уточнила я.

– Учитывая, что значительная часть их при этом гибнет – у них есть основания так думать.

– Они гибнут на полях?!? Хищники?

– Нет. Хотя, по хищникам и местной флоре-фауне тебе Карина лучше расскажет. Они гибнут в шахтах при частых обвалах, – вздохнула Заноза, словно её было неловко признавать, что умпалы не в состоянии обеспечить себе условия работы. – И травятся на полях.

– Травятся? – сработала моя профессиональная хватка журналиста. – Ты говорила, что там практически всё для них съедобно. Чем они травятся?

– Удобрениями.

- Стоп! Как это? – не поняла я. – Они едят удобрения?
- Нет. Они обрабатывают побеги удобрениями. И через растения, впитавшие эти яды, удобрения попадают в рацион самих умпалов. Для них это сильный яд.
- Они удобряют растения ядами, что бы потом ими же отравиться?
- Да.
- Ты сама слышишь – как это звучит? – с сомнением глядя в её спокойное лицо, поинтересовалась я. – Это извращённая больная фантазия. Такого не может быть в реальном мире. Кто в это поверит?
- Саша с минуту выдерживала красноречивый немой вопрос в моих глазах, а потом включила личную связь.
- Карина, ты занята?
- А чем могу быть полезна? Я у Ройзы.
- Прекрасно! Я сейчас приду к вам с нашей гостьей, – предупредила она, поднимаясь с кресла. – Надо показать ей, чем кормят работяг в городах.

Удобрения как способ удержания власти

- Так! Стоп! – остановила их я через несколько минут. – Ещё раз. Они обрабатывают эти побеги, для того что бы на них завелась плесень?
- Нет, – покачала головой Карина. – Они обрабатывают эти побеги, для того что бы убить споры плесени. Ну, они думают, что эта гадость убивает споры плесени.
- А на самом деле она от этого только размножается? – уточнила я.
- Эта гадость прожигает кору побегов, – пришла на выучку Заноза. – От неё они трескаются, и в ранах и заводится эта плесень. Так что, можно сказать, они эту плесень сами и разводят.
- А она очень токсична, – кивнул головой доктор Ройза. – Она блокирует выработку гормонов железами внутренней секреции. И они останавливаются в развитии. Они кормят их заражённой плесенью едой.
- Умпалы этого не знают? – я скользнула взглядом по лицам, не розыгрыш ли это.
- Заноза пожалала плечами.
- И сам яд с растениями тоже попадает в организм, – продолжил доктор Ройза. – Они болеют от этого.
- Так почему они продолжают это есть? – искренне не понимала я. – Если они сами видят, что эта еда им не подходит, выбрали бы что-нибудь другое.
- У них нет выбора.
- Я сделала вид, что внимательно изучаю строки отчётов на экране. Нужно было выиграть хоть пару минут паузы, что бы постараться всё же понять, не желающую укладываться в голове информацию. Абсурдную. Лишённую человеческой логики. Журналисту часто приходится сталкиваться с неизвестным. Особенно, если речь идёт об инопланетных цивилизациях. Но есть общие законы для всего живого. Например, желание сохранить свою жизнь. И улучшить условия своей жизни. Но тут живые существа сознательно едят то, что их убивает!
- Нет выбора? Им не подходит другая еда? Только эти побеги?
- Подходит. Свободные умпалы это нам доказали, – с явными нотками гордости в голосе возразила Заноза. – Но для рабочих заготавливается только эта заражённая еда. Другая в столовых просто не присутствует. У них очень ограниченный выбор. Они выбирают между несколькими совершенно не питательными, отравленными продуктами. Это, по сути, и едой называть нельзя! Потому что ни энергии, ни здоровья, ни сил, ни пользы от употребления этой гадости нет. Всё как раз наоборот. Она им только вредит.
- А где свободные берут еду?

– Собирают в дикой природе, – ответила Карина. – Частично выращивают сами без применения всех этих ядов. И получают очень хорошие урожаи. Кстати, большие, чем горожане.

– То есть, организация особей в рое даже едой своих членов обеспечить не в состоянии? А свободные живут припеваючи? – выхватила я абсурдную мысль, но в ней мелькнула искра хоть какого-то смысла.

– Вот именно.

– Но я так и не понимаю для чего, могут умышленно травить своих собратьев. – покачал головой доктор Ройза.

– Это, оказывается, довольно распространённый способ сделать других легко подчиняемыми. Ослабить их и они не смогут конкурировать за власть, – опять пояснила Заноза.

– Да, но обычно, это психическое подавление, – вмешалась Карина, – иногда физическое насилие. Что бы умышленно травили еду – я с таким не сталкивалась.

– Я тоже, – призналась я, перебирая в голове все известные мне факты. В словах Занозы была логика. Но мог ли этот нелепый факт с отравленной едой вписаться в список признаков рабства? Всё это казалось нелепым и противоестественным. Хотя, в случае с рабством, противоестественно абсолютно всё.

– И сколько этого яда необходимо скармливать сородичам, что бы держать их в подчинении? – уточнила я у доктора.

– У нас нет возможности без права сбора биопроб вычислить точное количество, – вздохнул доктор. – Но они явно перебарщивают с дозировкой.

– Потому что смертность у них на запредельно высоком уровне, – добавила Карина. – И умирают они рано, чуть ли не в подростковом возрасте.

– Видишь, это явно искусственное внешнее воздействие для удержания популяции под контролем, – устало произнесла Заноза, словно её приходилось доказывать мне эту истину уже раз сорок. – Если бы это был природный механизм контроля, химические регуляторы вырабатывались бы в организме сами. А здесь сложный и трудоёмкий процесс добычи химических реактивов в шахтах, распыления на полях, сбора и обработки. Всё это требовалось организовать и постоянно контролировать именно для угнетения части населения. Это рабство, Дара.

– Природа дама ленивая и умная, – добавил доктор Ройза. – Она никогда бы не стала так усложнять естественный механизм контроля за особями в рое.

Он внимательно посмотрел на Сашу.

– Да, я ещё не ужинала, – не выдержала его взгляда Заноза.

– Ну что мне с вами делать? – вздохнул доктор, – десятый час вечера.

– Мамаша узнает – мало не покажется! – Карина выразительно взглянула на Занозу. – И Дара, наверно, тоже не ужинала. Если хотя бы обедала.

– Пойдем, поедим, – предложила Заноза, вздыхая. – Не будем портить цифры отчета нашему доктору.

– Вы на неё не смотрите, – посоветовал доктор Ройза, – Саша так увлекается исследованиями, что о времени забывает. Так что, командуйте перерывами сами.

– Спасибо, учту. Но я сама такая же, – улыбнулась я заботливому доктору.

Они не могут стать морковкой

– Ешь. Не отравлено, – Заноза насмешливо хмыкнула, выведя меня из задумчивости.

– Да я и не думала... то, что я пялюсь на свою тарелку, ещё не значит... – я сдалась. – Я просто задумалась.

– Знаю, – Заноза спокойно продолжила ужинать. – Мы все через это прошли. Кроме, разве что капитана. У Флоренс удивительный дар не понимать суть сообщения.

– Или не принимать всё близко к сердцу.

– И к желудку, – кивнула Заноза.

Я заставила себя проглотить кусочек. Самообладанию Занозы можно было только позавидовать. Я гоняла по тарелке не съеденные кусочки, оттягивая момент признания самой себе, что не смогу это доесть. Разговоры об отравленной пище прекрасно отбивают чувство голода. Но не отбивают желания избавиться с тупым раздражающим чувством не понимания смысла.

– Травят еду, что бы сделать слабее и подчиняемее. С точки зрения роя – это не логично, – моя вилка негодуя застыла на безопасном от еды расстоянии. – Отравленная еда не вписывается ни в одну концепцию. Потому что и те, кто вместе с тобой в рое на твоё благо работают, и те, кто как рабы вместо тебя на твоё благо работают, должны быть сильными и здоровыми. Что толку рабовладельцу от больного и слабого раба? Вместо того, что бы наслаждаться плодами его труда, рабовладельцу придётся лечить и выхаживать бедолагу. И, тем не менее, они травят еду.

– Может, это единственный способ сдерживать развитие конкурентов, способных свергнуть тебя с социально значимой позиции в обществе.

– Они же сами эту отраву не едят?

– Нет, конечно, – с завидным хладнокровием Заноза продолжала опустошать свою тарелку. – У них спецпитание.

– Так, если подойти к этому с точки зрения версии про сдерживание перехода их в следующую стадию развития, – я вилок организовала замученную еду на тарелке в подобие диаграммы, – то, здесь рядовые умпалы, здесь их элита – ущебры, и потом высшие жрецы. Так?

Заноза с сомнением покосилась на мою тарелку. Диаграмма местной социальной лестницы вышла так себе. Я машинально поменяла пару кусочков местами, сочтя, что те недостаточно жирные для роли жрецов.

– С таким применением отвергнутого ужина я сталкиваюсь впервые, – призналась Заноза.

– Да ладно, как вообще можно есть после такого? – я развернула к ней своё продуктивное творение. Если это рой, то ущебры не могут переродиться в жрецов, а умпалы не могут переродиться в ущебров, верно?

– Да. В рое ты рождаешься под функции определённого органа, и никакой социальной мобильности быть не может.

– Тогда, какой смысл травить и сдерживать развитие сородичей?

– Вот и я говорю, это рабство, – воодушевилась Заноза.

– Сдерживать развитие необходимо, если конкурент может развиваться в тебя. Но, судя по твоему отчёту, умпалы в любом случае не могут стать ущебрами. Так зачем их дополнительно травить?

– Возможно, они не могут стать ущебрами как раз из-за того, что их держат в ослабленном состоянии. Что бы родился ребёнок ущебра, матерей переводят во дворец. И меняют им питание.

Заноза отставила свою опустевшую тарелку и принялась за напиток.

– Возможно, – я тыкала вилок в слои рассортированных кусочков овощей, иллюстрируя свои мысли, – но как сами ущебры тогда развиваются в жрецов, если их не подталкивает развитие умпалов? Сдерживают развитие. С точки зрения любого общества – это не логично! Общество должно развиваться! И когда поднимается общий уровень окружающего тебя общества, автоматически поднимается и твой. И возможность у индивида развиваться дальше появляется тоже при росте уровня общества. Сдерживая развитие остальных, элита и собственное развитие останавливает. Где логика?

– Нет логики, – кивнула Заноза. – Они и не развиваются. Совсем. Ни роста численности, ни технического прогресса, ни развития новых способностей.

– Нет роста численности? – я оторвалась от созерцания овощной мозаики.

– Есть колебания, но нет явного прироста. За всё это время, численность выросла процентов на восемнадцать, не больше.

Как профессиональный журналист я могла бы и лучше контролировать свою реакцию и не похлопать так глупо глазами.

– У них такая низкая рождаемость?

– У них запредельно высокая смертность. И они даже до трети своего биологически возможного возраста не доживают.

– Нет прироста населения, но они травят своих же?

– Я подозреваю, что они таким способом численность горожан и контролируют.

– Но зачем? – я перевела взгляд на тарелки и вилкой расширила средний слой. – Численность элиты тоже должна расти. А значит, им нужно больше э... подданных, обслуживающих их интересы.

Заноза задумчиво уставилась на импровизированный макет стратификации местного общества.

– Где логика? – не унималась я. – Рабовладелец не заинтересован сдерживать численность тех, кто его всем обеспечивает. Не ему же самому кормить это поголовье? Это они его кормят своим трудом.

– Они инопланетяне. У них своя логика, – устало ответила Заноза. – Факт, что они их травят, сокращая численность.

– Логика роста и развития популяций в этой вселенной одна на всех. То, как надо ненавидеть своих сородичей, что бы так с ними поступать, это ещё ладно, – вздохнула я, – но для такого поведения должно быть объяснение. Почему им необходимо так поступать со своими же? У них нет ограничений ни в территории, ни в ресурсах. Но они сами сокращают численность своего рода. Почему?

Я подняла глаза и встретилась взглядом с Занозой.

– Если бы они были захвачены другой цивилизацией, тогда всё понятно. Необходимо поддерживать численность рабов в том количестве, которое в состоянии контролировать.

– Но здесь нет инопланетных захватчиков, – покачала головой Заноза. – Это один биологический вид.

– Только другой биологический вид заинтересован в сокращении численности вида-конкурента. И то, если конкуренция за ресурсы жесткая, – я сдалась и, наконец, отодвинула от себя тарелку.

Взгляд Занозы вернулся к овощам.

– Они не становятся морковкой, – задумчиво произнесла она.

– Что?

Заноза вздрогнула, очнувшись от размышлений.

– Ладно, пошли спать. Надо дать уложиться всему этому в голове, – я окончательно сдалась усталости и неудобоваримости информации и встала.

– Саша, – окликнула я её в дверях, – вы ведь поспорили, да?

– О чём? – Заноза была погружена в размышления.

– О том, что я не смогу есть после этого разговора? Это что-то вроде теста для новичка?

Проверка на прочность?

– Глупые традиции есть на каждой станции, – отмахнулась Заноза. – Кстати, ты проверку прошла. Спокойной ночи.

И едва зайдя за угол, Саша поднесла к губам коммуникатор, что бы можно было говорить очень тихо.

– Карина, ты ещё не спишь?

- Так сколько раз её стошнило? – зевая, отозвалась Карина.
- Ни сколько.
- А она молодец, оказалась.
- Я не об этом. Дара навела меня на мысль. А что если ущебры – это другой биологический вид? Если они вовсе не умпалы?
- Не умпалы?
- Ты же сама говорила, с их ДНК какие-то проблемы.
- Да, но... не настолько же, – растеряно подыскивала слова Карина. – Мне просто не удалось установить из-за чего такие различия во внешности при отсутствии явных изменений в ДНК.
- Но по ДНК они один биологический вид? Или они могут оказаться разными? Мы же не смогли реконструкции облика по ДНК провести, помнишь?
- То, что программа реконструкции облика по ДНК не сработала на тестах с ущебрами, говорит о том, что мы не всё учли.
- Это бы многое объясняло, – вздохнула Саша. – Если бы они оказались разными биологическими видами.
- Карина помолчала.
- А откуда здесь взялся другой разумный вид? Хотя, мы и этот обнаружили недавно. Ладно. Я завтра проверю биопробы ущебров, умпалов и жрецов. Попробую найти отличия ещё раз.

Солдат инфовойны

Я открыла свой список отличий роя от рабства и внесла данные про сдерживание развития отравленной едой, прекрасную выживаемость умпалов вне роя и версию про ленивую, но умную Природу.

Пока ничего не понятно. А нужны чёткие факты, доказательства. И эта авария с Павлом сделала сроки расследования нереальными. Почему Константин позвонил именно мне? Это же не случайно. Он мог это сделать только по просьбе Посла. Тогда почему Шеломин считает, что я смогу с этим разобраться? И я тоже хороша! С головой кинулась в абсолютно мне незнакомую тему только потому, что Шеломин в меня верит. Пора бы уже вырасти.

Самое паршивое, что я до сих пор не понимаю смысла этого неестественного явления – рабство. А мне надо найти доказательства или опровержения его наличия. Может, задача, в которую я так вцепилась только из-за того, что это уровень интересов Союза Миров, окажется мне не по зубам. А если я не справлюсь? Мне точно не хватает уровня компетентности. И единственное оправдание в том, что специалистов по рабству у нас по пальцам пересчитать. Потому что они не нужны, этот вопрос никому не интересно изучать. В нашем мире такого явления нет. Рабство. Мы ведь употребляем это слово только в значении преувеличенного увлечения чем-то. А здесь это социальное явление, рабство в своём древнем отжившем значении слова. И Заноза тоже не специалист по рабству, поэтому её громкое заявление легко оспорят.

Но почему Шеломин обратился именно ко мне? Не к экспертам по рабству, ко мне, к журналисту? Значит, Шеломину от меня нужны не экспертные доказательства, а привлечение общественного внимания к этой миссии. Очевидно, ему нужно, что бы я в очередной раз устроила утечку информации, обнародовала замалчиваемые факты, выдвинула другие не менее громкие заявления. Ему зачем-то нужно привлечь внимание к нашей миссии. Не дать замолчать и проигнорировать заявление Занозы. Если мне удастся раздуть из этого международный скандал, Союз Миров вынужден будет прислать своих экспертов для изучения ситуации на этой планете. Вот чего он добивается. А если рабства нет? Мы поднимем всех на уши, заставим специалистов как минимум ста восьмидесяти миров прилететь сюда и досконально

изучить ситуацию, а они ничего не обнаружат. И как мы будем выглядеть после этого? Речь идёт о репутации человечества как полноправного члена Союза Миров. Наше возвращение на уровень управления галактикой и так не всем по вкусу. В том числе, нашим партнерам по этой миссии.

Ладно, не всё так плохо. Я журналист. Я солдат информационной войны. Моё дело обнаружить поломку вселенной и осведомить об этом остальных, тех, кто сможет её починить. И, к счастью, у меня есть приблизительный список критериев, что бы опознать подходят ли обнаруженные Занозой факты под признаки рабства. С этого и начнём.

2 день на станции

Особенности вкусов хозяйки

Звонкий голос Флоренс возвестил, что я столкнусь с ней за ближайшим поворотом. Капитан увлечённо наводила порядок на станции. Естественно, руками подчиненных.

– Подожди мил друг. Ты мне два дня назад говорил, что это исправишь, – звонко разнесся по коридорам голос Флоренс, с которым никакое звукопоглощающее покрытие не справлялось.

– Да все работает! Там нечего исправлять.

– А что это за потек тогда? Не должно такого быть на моей станции.

– Это смазка подтекает. Это на работоспособность никак не влияет, – возразил он.

– Это на мою работоспособность влияет! – возразила Флоренс. – Что за бардак ты устроил на моей станции?

– Это просто смазка. Это не опасно.

– Это будет опасно для тебя. Если я и завтра это увижу. Никаких пятен и потеков на моей станции! Что бы все исправил.

Борис вздохнул, недовольно покачав головой.

– Не слышу ответа, – не отставала от него Флоренс.

– Да, – выдавил он из себя, – я исправлю.

– Когда?

– Прямо сейчас чтобы ты отстала от меня, – нехотя проговорил он.

– Вот и чудесно. Хороший мальчик, – потрепала его по плечу мамаша.

– Лариса! – коридор огласился ее новым звучным криком.

Я не смогла удержаться от улыбки.

– Доброе утро. Мы не успели вчера поговорить. Я Дара. А вы, должно быть, Борис Лубоед, технический гений станции.

– Гений, ха! – довольно усмехнулся он, – капитану такое не скажите. Рад познакомиться, Дара.

– Она всех вас так воспитывает?

– Ага, – Борис нехотя дал команду роботу снять панель. – Флоренс вообще не понимает, как тут все работает. Но лезет со своими советами везде. Она ни в чем толком не разбирается и не скрывает этого. Как её вообще на эту должность поставили?

– Вероятно, за другие незаменимые качества, – я едва сдержалась, что бы не пошутить про занавесочки, но расшатывать авторитет капитана нельзя ни при каких обстоятельствах. В этом я уже убедилась ни раз.

– Для неё важно, что бы внешне все красивенько и чистенько было, – продолжал бурчать Борис, тестируя место с потеком смазки. – А мне важно, что бы исправно все работало. И работает же! Нет, лезь, исправляй потому что у неё, видите ли, робот третий день здесь пятнышко оттирает.

– Ну, приказ есть приказ, – улыбнулась я.

– Ну что я говорил? Всё... О! Ё! Да клапан перекрой, что ты мне сканер суешь? – крикнул он на робота. – Не видишь, что закрепка лопнула?

Он вспомнил о моём присутствии и тихо попросил:

– Флоренс не говори.

И уверив, что унесу эту тайну с собой в могилу, я пошла завтракать.

Сон, как всегда, приглушающий яркость переживаний предыдущего дня, да ещё и помноженный на отсутствие обеда и ужина, делает завтрак особенно вкусным. Вот чего мне не стоило делать, так это возвращаться к мыслям об отравленной еде до того, как тарелка опустеет. Поэтому, я сосредоточилась на сомнительных изысках дизайна интерьера столовой, вероятно, по мнению мамыши Флоренс, вносящих домашний уют в официально-деловую обстановку.

Флоренс словно была сразу и повсюду. Ее присутствие чувствовалось буквально в каждом уголке станции. Она была здесь хозяйкой, и от ее хозяйского взгляда не укрывался ни один винтик на станции. И ни одна занавесочка на иллюминаторах. Зачем они только нужны?

Занавесочки на иллюминаторах. Картинки с пейзажами в совершенно не подходящих к интерьеру рамах. Наверно, в каждом помещении станции удастся найти такие не сразу заметные черты подчинения вкусам хозяйки. Может, ей просто негде хранить хлам, доставшийся в наследство от пра-пра-бабушки? И где-то ещё припасен старый торшер и кресло-качалка? Да, с таким я ещё не встречалась.

Кому нужнее сенсация

Заноза села напротив меня гордая и прямая, словно шест проглотила. И вдобавок, скрестила руки на груди. Судя по позе, она приготовилась стойко выдержать допрос. Об откровенности и доверии у нас с ней пока и речи быть не может.

Я даже не помню, есть ли ей за что обижаться на меня. Я помню только, что ребята из моей компании придирались к ней. Но даже не помню из-за чего. И я ни разу не одернула их. Это сейчас я понимаю, что именно моё отношение всё меняет. Но для осознания этого мне надо было вырасти. А теперь мне надо вывести на откровенность человека, которого я позволяла оскорблять.

Но может, Заноза действительно не держит на меня зла. И её реакция на меня – обычное отношение к журналисту. Я вздохнула и открыла блокнот. Ну что же, будем работать с тем, что есть.

– Итак, вы стали изымать особей и выяснили, что они прекрасно выживают одни, а значит, они не часть роя. Допустим, мы доказали, что рой – противоестественная форма социальной жизни. Но почему ты считаешь это рабством?

– Ты ведь журналист? Тебе нужны сенсации? – Заноза посмотрела на меня с вызовом.

– Да, нужны, – гордо кивнула головой я, – и тебе как учёному, тоже. Как ещё сделать себе громкое имя? Может, как раз такими заявлениями?

– Это не так просто, как в журналистике, – Заноза снисходительно улыбнулась, – в нашей среде за такими заявлениями можно лишь добиться признания собственной невменяемости и вылететь из профессии.

Я готова была оспорить её заявление и привести в пример с десятков светил науки, с которыми мне лично доводилось общаться. Но усугублять ситуацию не стоило.

– И обнародовать серьёзные открытия у нас гораздо труднее. Особенно те, что не вписываются в укоренившиеся представления, – продолжила Заноза и я почувствовала, что это и есть её признание, почему она вообще снизошла до разговоров со мной, до траты своего драгоценного времени на разъяснение мне прописных истин.

– Полагаю, что именно поэтому наш представитель в Союзе Миров и прислал к вам не очередного учёного, а меня, – согласно кивнула я. – Журналиста. Специалиста по раздуванию сенсаций.

Заноза неожиданно расхохоталась.

– А ты совсем не изменилась, – она, наконец, перестала делать вид, что не помнит наших студенческих разногласий. – Меня всегда восхищало с какой наглостью ты отстаивала свои взгляды. Возмущало, но и восхищало. Я хотела быть такой же. Но... мне это не дано.

– Моя наглость теперь с тобой в одной команде, – улыбнулась я. – Так чем могу быть полезна?

Она глубоко вздохнула, собираясь с духом, и развернулась к экрану.

– Смотри, – Заноза вывела на экран изображение какого-то чудища. – Это умпал. А это гарапцал. Именно так они и выглядели.

– И в чём сенсация? – уточнила я.

– В том, что по официальной версии, гарапцалы не выжили после катастрофы. Они все вымерли. И умпалы должны быть абсолютно новым видом.

Я едва сдержала готовый вырваться вздох. Вот этого я и боялась. Она явно надеется, что я сейчас воскликну «О, Великий Космос! Где были наши глаза! Умпалы – это же и есть выжившие гарапцалы!» Наверно, это бы сработало. Но, только не в моём случае. Ну не признаваться же, что в случае с абсолютно незнакомыми формами жизни игра в «найди десять отличий» превращается в пытку. Как их сравнивать? Я до сих пор не разобралась где у них голова.

– Слушай, Саша, я конечно не биолог, может сходство и есть, – я, как могла, сравнила существа на соседних картинках, – но, похоже это всё-таки разные виды.

– А теперь смотри, – продолжила Заноза, выводя на экран новую порцию картинок. – Гарапцалы в своём развитии проходили несколько стадий взросления. Как и почти у любого существа, у них взрослые особи сильно отличаются от детей, подростков и так далее. Вот это подросток гарапцала, а это умпал. Теперь похоже?

Я заставила себя сделать усилие и взглянуть в силуэт незнакомой формы жизни. Организм протестующее отозвался намёком на зарождающуюся головную боль. Думаете легко сравнить – похожи или не похожи особи, если даже разобрать не можешь ноги это у них, усы или хвост? Голову бы найти. Но чисто внешне, по пропорциям и общему строению тела, какое-то сходство было.

– Похожи? – не унималась Заноза.

– Похожи, но это ещё не значит...

– А теперь на это посмотри, – Заноза оставила на экране изображения гарапцала и открыла новое изображение и поставила его рядом с изображением взрослой особи гарапцала.

Наработанным взглядом журналиста я успела заметить, что этот файл носил имя «Васенька», и покосилась на увлечённо рассматривающую изображения Занозу.

– Видишь сходство?

Пришлось вновь взглянуть в изображения, не смотря на вызываемую этим действием головную боль. Может здесь ракурс был выбран удачнее, может, я уже немного привыкла видеть в этом нагромождении элементов живое существо, но эти двое действительно были чем-то похожи. Очень даже похожи.

– Это свободный умпал, – с гордостью сказала Заноза. – Умпал, рожденный свободным! Потомок тех, первых, изъятых шестьдесят лет назад Вайло. У нас уже сто восемьдесят четыре ребенка рождено в поселениях свободных умпалов. И шестнадцать из них четко по стадиям развития гарапцалов перешли в следующую стадию взросления. И ни одного такого случая в городах. Ни одного! Они переходят в следующую стадию развития своего вида только на свободе. Что-то в городах тормозит их. Не даёт перейти эту грань. Они словно на всю жизнь остаются гусеницами, так и не став прекрасными бабочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.